

Юрий Адаменко

Доэ-Бацу

1. УДАР ПАЛКОЙ

ЛЕНЬ -
МОЙ ПУТЬ.
РИС -
МОЯ ЦЕЛЬ.
ПАЛКА -
МОЯ СУДЬБА.

影郎先生

道場

100 СПОСОБОВ
НЕ ВСТАВАТЬ
НА ТРЕНИРОВКУ

ГЕНИАЛЬНО

УТРО ПОД БАМБУКОМ -
ХУЖЕ, ЧЕМ СМЕРТЬ

酒

Юрий Адаменко

Доэ-Бацу. 1. Удар палкой

<https://litres.ru/73888014>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Бамбук гнётся, но не ломается. А ты — почти».

Эта книга — как бамбук: снаружи жёсткая, внутри полая, но гнётся, пока не ломается. Со мной.

Смешная, местами грустная, вся в царапинах и рисовых пятнах. Искренняя. Если вы хоть раз падали лицом в грязь, но вставали — эта история для вас.

Эта книга — первая в цикле о приключениях Бацу, ученика великого мастера Кагэро. Бацу не герой: он ленив, сочиняет дурацкие хайку и всегда голодный.

Однако за суровой дисциплиной и насмешками скрывается нечто большее. В прошлом мастера — тень бывшего ученика, чьё имя стало легендой ужаса. В настоящем — пробуждающийся дар самого Бацу. А в будущем — битва, в которой не помогут ни меч, ни палка. Только ветер.

История о взрослении, о страхе перед собственной силой и о том, что иногда друзьями становятся те, от кого тебя всю жизнь учили убегать.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
2	26
Глава 3	54
3	55
Глава 4	83
4	84
Глава 5	112
5	113
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Юрий Адаменко

Доз-Бацу. 1. Удар палкой

Глава 1

1

Палка надо мной —

Рис не снится, когда страшно.

Лучше б я не встал.

Солнце стояло уже неприлично высоко. Глаза его были плотно зажмурены, а веки склеены утренней дремотой. Но он знал это потому, что муха, которая последние полчаса безнаказанно гуляла по его лицу, сменила тень на носу на яркий свет, а значит, светило поднялось достаточно, чтобы заглянуть под навес бамбуковых ветвей.

Бацу не шевелился. Он лежал на старой циновке, которую когда-то давно сплёл его дед, а может, и не дед — Бацу забыл, кто вообще сплёл эту циновку, потому что она всегда была здесь, как трава или камни. Циновка давно потеряла цвет, местами протерлась до дыр, и сквозь одну из таких дыр его левый локоть касался влажной земли. Это было неудобно, но недостаточно неудобно, чтобы встать.

Кимоно, которое служило ему и одеждой, и одеялом, и иногда подушкой, было измято так, словно его месяц таскали в мешке с камнями. Пояс развязался, ворот съехал набок, обнажая ключицу, покрытую ссадинами от вчерашних кувырков. Волосы торчали в разные стороны — один особенно нахальный завиток выбился на лоб и стоял вертикально, словно приветствуя рассвет. Из рта Бацу свешивалась травинка, которую он, видимо, жевал во сне. Он не помнил, зачем жевал, но, судя по вкусу, травинка была горькой и уже пережёванной до состояния мокрой ваты.

Вокруг летали мухи. Это был целый мушиный патруль, который, казалось, взял его нос за главную базу. Одна особо наглая муха приземлилась прямо на кончик носа и принялась вылизывать лапки, уверенная в своей безнаказанности. Бацу лениво отмахнулся — движением настолько вялым, что муха даже не взлетела, а просто переступила с места на место.

Где-то вдалеке, за рисовыми полями, заорал петух. Потом второй, третий — целый хор деревенских дилетантов, которые считали своим долгом оповестить мир о том, что солнце в очередной раз поднялось. Бацу перевернулся на другой бок, спиной к солнцу, и натянул на голову край кимоно.

— М-м-м... — произнёс он, выражая этим звуком весь спектр эмоций от глубокого удовлетворения до лёгкого раздражения.

В его голове, медленно, как капли мёда зимой, начали со-

бираться слова. Он пытался поймать рифму, три строчки, которые стали бы гениальным хайку. Внутренний голос бормотал:

Утро такое...

лежу, а рис мне снится —

вставать охота?

Нет. Не то. Слишком банально. Он попробовал другой вариант:

Муха на носу —

хорошо, что не оса.

Дальше можно спать.

Тоже не фонтан. Но Бацу был слишком сонным, чтобы страдать от творческих мук. Он решил досмотреть сон, который прервался на самом интересном месте. Там, во сне, ему подавали огромную чашку тёплого риса с маринованной редькой. Не просто рядовой рис, а рис, сваренный на дровяной печи, с хрустящей корочкой снизу, с добавлением сладкого соевого соуса и крошечных кусочков лосося. Рис был таким аппетитным, что даже во сне у Бацу текли слюни.

Он уже протянул руку к чашке, уже ощутил пар, ударивший в лицо, как вдруг... Тень.

Тень, которая закрыла солнце полностью, резко, будто кто-то щёлкнул выключателем. Стало темно и прохладно. Муха, сидевшая на носу, наконец испугалась и улетела.

Бацу, не открывая глаз, нахмурился. Он почувствовал, что над ним кто-то стоит. Кто-то большой. Кто-то, от кого

пахнет старой бумагой, бамбуком и ещё ладаном или просто старостью. Бацу надеялся, что это продолжение сна. Может, ему снится, что пришёл великан и хочет украсть его чашку с рисом. Это было бы логично — великаны, как известно, питаются рисом бедных ронинов.

Он лениво приоткрыл один глаз. Левый. Второй остался закрытым, на всякий случай. Увиденное заставило его открыть и правый глаз, и рот, и даже сесть, хотя сесть он не успел, потому что палка уже свистела в воздухе.

Бацу моргнул.

— Доброе утро, сэнсэй, — просипел он, травинка всё ещё торчала из уголка рта, придавая ему вид особенно тупого сверчка.

Кагэро не ответил. Он продолжал стоять, занеся палку, и дал ученику ровно три секунды на то, чтобы понять всю глубину своего падения.

Бацу понял. Он понял, что солнце уже не просто высоко — оно перевалило за полдень, что он проспал утреннюю тренировку, что завтрак давно остыл (если он вообще был), и что палка сейчас опустится ему на макушку.

Палка со свистом рассекла воздух. Бацу успел заметить только тень — стремительную, как падающая звезда, и примерно такую же безжалостную. Он попытался дёрнуться, но тело, расслабленное долгим сном и ленивыми грезами о рисе, отказалось подчиняться. Мышцы затекли, суставы одере-

венели, а мозг, который ещё не проснулся до конца, выдал только одну мысль: «Эх, а рис был такой вкусный...»

Бам!

Удар пришёлся точно в макушку — туда, где, по уверению Кагэро, хранится девяносто процентов глупости и лени ученика. Боль была резкой, но не оглушающей, скорее бодрящей, как глоток ледяной воды в лицо. Палка, как всегда, не повредила кожу — только заставила череп приятно (или неприятно) завибрировать.

Бацу подскочил так, будто под ним разверзлась земля.

— А-а-а-а! Больно же! — заорал он, взлетая на ноги и немедленно спотыкаясь о край циновки. — За что?!

Он схватился за макушку обеими руками, нащупал едва заметную шишку и зашипел, как рассерженный кот. Кимоно съехало набок, волосы стояли дыбом, а травинка, которую он жевал во сне, исчезла — видимо, вылетела от удара и теперь украшала грудь учителя.

Перед ним стоял Кагэро-сэнсэй. Бацу даже сквозь боль отметил, что учитель выглядит сегодня особенно сухим. Не в смысле «сухой старик» — это было понятно и так. А в смысле «сухой лист бамбука, который лежит на солнце уже сто лет и всё ещё не рассыпался». Кагэро был жилистым, поджарым, с кожей, натянутой на скулы как барабанная перепонка. Его седые волосы были собраны в идеально гладкий пучок на затылке — ни одного выбившегося волоска, ни одной неровности. Только вечно прищуренные глаза и тонкие гу-

бы, сложенные в линию, которая могла означать что угодно: от глубокого удовлетворения жизнью до скрытого желания прибить ученика.

Но самое главное — в уголках его глаз прятался сарказм. Не улыбка. Нет. Кагэро никогда не улыбался. По крайней мере, Бацу ни разу не видел, чтобы улыбка тронула эти тонкие губы. Но уголки глаз — да, они смеялись. Тонкими морщинами, едва заметными складками, которые возникали в моменты, когда учитель говорил особенно язвительные вещи.

В правой руке он держал бамбуковую палку — гладкую, отполированную до блеска многолетним использованием. Бацу знал эту палку лучше, чем своё собственное отражение в воде. Он знал, где на ней появилась первая трещина (три года назад, когда учитель случайно ударил не ученика, а камень), знал, где потёмнело от старости покрытие, и знал, что эта палка способна наносить удары с точностью хирургического скальпеля.

— Ты думаешь слишком громко, — сказал Кагэро.

Голос его был спокойным, ровным, как поверхность озера в безветренный день. Ни тени раздражения. Ни капли гнева.

Бацу перестал тереть голову и уставился на учителя.

— Я... что?

— Думаешь слишком громко, — повторил Кагэро, слегка приподнимая палку и указывая ею в сторону горизонта. — Я слышал твои мысли о рисе за полгоры. Ты думал о лососе. О маринованной редьке. О хрустящей корочке. Всё это эхом

отдавалось в бамбуковой роще и спугнуло трёх сорок.

Бацу открыл рот, чтобы возразить, но учитель продолжил, не давая ему и слова вставить:

— Если ты будешь так громко мечтать о еде, тебя услышат голодные ёкаи. — Он сделал паузу, давая ученику время прочувствовать слова. — А ёкаи, как тебе известно, питаются не только страхом. Есть среди них и такие, кому по вкусу человеческие мечты. Особенно красиво оформленные. Твой сон о рисе с лососем для них — как для тебя чашка горячего супа в холодный день.

Бацу поёжился. Он, конечно, знал о ёкаях — на Семи Островах никто не вырастал без легенд о духах, крадущих сны. Но обычно эти истории рассказывали бабушки внукам перед сном, и никто не воспринимал их буквально. Или воспринимал? Бацу никогда не углублялся, потому что считал, что лучше не знать, чем знать и бояться.

Учитель, словно прочитав его мысли, добавил:

— В мире, где мы живём, граница между сном и явью тонка, как бамбуковый лист. Духи — они рядом. Они видят нас, слышат и иногда даже трогают. А когда человек спит, его мысли становятся для них как горячие лепёшки на рынке: аромат разносится на всю округу. Так что либо учись думать тихо, либо привыкай, что по ночам к тебе будут приходиться гости.

Бацу наконец нашёл дар речи:

— Это что, угроза?

— Это предупреждение. — Кагэро повернулся и сделал шаг к хижине. — А теперь слушай сюда.

Он бросил через плечо:

— Завтрак через десять минут. Опоздаешь — будешь тренироваться до вечера без еды.

Бацу хотел спросить: «А если я приду вовремя, тренировка будет короче?» — но вовремя прикусил язык. Он уже знал ответ. Тренировка не станет короче. Никогда. Она может стать длиннее, но не короче.

— Десять минут, — повторил учитель, удаляясь. — И не вздумай плеснуть себе в лицо водой из ведра, которое стоит на солнце. Только холодная вода бодрит. Тёплая расслабляет.

Бацу остался стоять на циновке, чувствуя себя так, будто его только что ударили палкой. Впрочем, так оно и было.

Он поёжился, поправил кимоно, которое всё норовило сползти с плеча, и заковылял к хижине. По дороге он впервые задумался о том, что учитель, возможно, говорит не просто страшилки.

На Семи Островах, которые лежат посреди тёплого моря, отделённые от Большого Мира магическим Пепельным барьером, ёкаев не считали легендами. Их считали соседями. Не всегда приятными, не всегда безопасными, но реальными. Бацу сам слышал истории о каппах, которые топят рыбаков, о кицунэ, которые заводят путников в болото, и о призраках, которые ночами бродят по полям, ища потерянные

вещи. Но он никогда не воспринимал их близко к сердцу — потому что, когда живёшь в постоянном страхе перед духами, можно сойти с ума.

Но сейчас, в это солнечное утро, когда его макушка гудела, а в животе урчало, он подумал: «А что, если учитель прав? Что, если наши мысли и правда как маяк для тех, кто живёт по ту сторону?»

Он не нашёл ответа, потому что голод взял своё.

Топ-топ-топ — зашлёпали сандалии по земляной тропинке, ведущей к хижине.

Бацу ковылял к хижине так, будто только что пережил нашествие ёкаев и чудом остался жив. На самом деле он просто проспал на циновке под бамбуком, но мышцы затекли, а ушибленная макушка посылала в позвоночник неприятные импульсы, заставляя его горбиться и семенить мелкими шажками. Со стороны это выглядело жалко. Очень жалко. Если бы кто-то из крестьян увидел его сейчас, то решил бы, что перед ними не ученик великого мастера, а старый больной журавль, потерявший стаю.

Хижина, которая служила им с учителем домом, стояла в небольшой низине между бамбуковой рощей и полосой старых криптомерий. Её нельзя было назвать красивой. Или удобной. Или даже просто сухой. Это была постройка из потемневшего дерева, с крышей, покрытой соломой, которую пора было менять ещё лет десять назад. Солома местами об-

лезла, обнажая дранку, а в трёх местах зияли дыры, через которые в хороший дождь внутрь затекало столько воды, что можно было устраивать соревнования по плаванию.

Кагэро, впрочем, считал эти дыры не недостатком, а важной архитектурной особенностью.

— Дырки вентилируют мозги, — любил повторять он, когда Бацу жаловался на сквозняки. — Если голова постоянно на свежем воздухе, глупые мысли выветриваются быстрее.

Бацу тогда возражал, что его мысли, видимо, слишком тяжёлые, потому что они никуда не выветривались, несмотря на все дыры. Но учитель лишь хмыкал и отвечал: «Значит, надо больше дырок».

Входная дверь — деревянная, разошедшаяся, со скрипом, который можно было использовать как отпугиватель ёкаев — поддавалась с привычным усилием. Бацу толкнул её плечом, и она жалобно застонала, открывая путь внутрь.

Внутри хижины был полумрак. Единственный источник света — маленькое окно, затянутое старой бумагой, которая давно пожелтела и покрылась пятнами. Бумага пропускала достаточно света, чтобы не наткнуться на стены, но недостаточно, чтобы разглядеть, чисто ли на полу. Бацу знал, что не чисто. Учитель не одобрял уборку — он говорил, что «порядок в доме убивает порядок в голове». Поэтому пол был усыпан сухими листьями, обрывками бумаги, крошками риса и, возможно, несколькими поколениями моли.

Посреди комнаты стоял низкий столик из тёмного дерева,

его поверхность была исцарапана ножом и залита соевым соусом. На столе уже дымились две тарелки с рисом, маленькая мисочка с маринованной редькой и две чашки с зелёным чаем. Пар поднимался вверх и исчезал в дырявой крыше, придавая хижине вид курильни.

Но самое главное — у дальней стены, спиной к Бацу, уже сидел Кагэро. Учитель занимал место у стены — самое почётное, откуда виден весь дом и входная дверь. Он сидел с идеально прямой спиной, как того требовал негласный кодекс воинских искусств Семи Островов. Когда Бацу только поступил в обучение, Кагэро потратил целую неделю, чтобы вдолбить ему простую истину: поза за едой — это не просто этикет, это боевая стойка. Сидящий с прямой спиной может в любой момент вскочить и отразить атаку. Тот, кто горбится, умрёт первым.

— Но здесь же нет врагов, — возражал тогда Бацу.

— Враг может быть где угодно, — отвечал учитель. — Даже в чайной чашке, если заварить неправильный чай.

Как это понимать, Бацу не понял до сих пор, но спину держал ровно. Иногда.

Сегодня он не держал. Он вообще не думал о спине. Он думал о еде.

Кагэро поднёс ко рту чашку с чаем, отпил маленький глоток, затем поставил её на стол с такой аккуратностью, что дно коснулось дерева без единого звука. Затем он взял палочки, подцепил кусочек редьки, поднёс ко рту и откусил ровно по-

ловину. Прожевал, как учили: десять движений челюстями, не больше и не меньше. Проглотил. Затем взял рисовый шарик, отправил в рот, снова десять жевательных движений, проглотил.

Это была не еда. Это была церемония. Бацу иногда казалось, что Кагэро не получает удовольствия от еды, а просто выполняет сложное техническое упражнение под названием «приём пищи по всем правилам воинского искусства». Возможно, так оно и было. Учитель вообще не признавал простых действий. Даже чихание, по его словам, должно быть идеально отрепетировано, чтобы не пропустить удар противника.

Бацу плюхнулся на подушку напротив учителя, не глядя поправил кимоно, и схватил палочки.

То, что произошло дальше, можно было назвать «нападением на еду». Бацу вцепился в тарелку с рисом, как голодный пёс, которому бросили кость после трёх дней голодовки. Он зачерпнул огромный ком риса, засунул его в рот, прожевал два раза и проглотил, даже не почувствовав вкуса. Второй ком пошёл вслед за первым. Третий — следом.

— Ты жуёшь как боров, — заметил учитель, не поднимая глаз от своей тарелки. Голос его был спокойным, почти доброжелательным, как у человека, который комментирует погоду.

Бацу не обратил внимания. Рис был вкусным — рассыпчатым, ароматным, с лёгким привкусом дыма. Бацу подумал,

что если бы ему пришлось выбирать между мечом и тарелкой такого риса, он бы выбрал рис, а меч продал бы на рынке и купил ещё риса.

— Бамбук гнётся, но не ломается, — продолжал Кагэро, всё так же не глядя на ученика. — А твои челюсти скрипят как несмазанная телега.

Бацу хотел было ответить, но рот был набит, поэтому вместо слов раздалось нечто среднее между мычанием и хрюканьем.

Учитель вздохнул.

— Я говорю это не для того, чтобы тебя обидеть, — сказал он, отщипывая ещё один кусочек редьки. — Я хочу, чтобы ты понял: каждое твоё движение — это отражение твоей души. Если ты жуёшь как боров, значит, и душа у тебя свиная.

Эти слова наконец достигли сознания Бацу. Он перестал жевать, проглотил то, что было во рту, и обиженно посмотрел на учителя.

— Моя душа не свиная, — сказал он. — Она... голодная.

— Голодная свинья — это всё равно свинья, — парировал Кагэро, не моргнув глазом.

Бацу хотел обидеться, но не смог. Во-первых, потому что рис был слишком вкусным, чтобы обижаться из-за каких-то слов. Во-вторых, потому что учитель говорил такие вещи каждое утро, и если бы Бацу обижался каждый раз, ему пришлось бы умереть от разрыва сердца ещё в первый год обучения.

Он вздохнул и продолжил есть, но теперь чуть медленнее. Не потому, что внял советам учителя. Просто подступила первая сытость, и желудок перестал требовать всё и сразу, перейдя в режим «можно и смаковать».

В тишине, которая воцарилась за столом, Бацу вдруг почувствовал вдохновение. Оно пришло откуда-то из глубины голодного существа. Слова начали складываться в строчки. Он закрыл глаза, поднял палец к потолку и торжественно произнёс:

— «Утренний рис — живот урчит, как тигр...»

Он замешкался, подбирая рифму. «Как тигр» — что дальше? «Хочет ещё один прилив?» Нет, глупо. «Зовёт в поход на дикий мир?» Тоже не то.

Он уже открыл рот, чтобы произнести третий вариант, но учитель перебил его:

— Твои хайку убивают ёкаев быстрее меча.

Бацу моргнул:

— Это... комплимент?

— Нет, — Кагэро наконец поднял на него взгляд. В уголках его глаз снова собрались тонкие морщинки сарказма. — От скуки. Ёкаи, слушая твои хайку, умирают от желания заткнуть тебе рот. Или, что вероятнее, от смеха. А смех убивает духов, как известно.

Бацу не знал, смех убивает духов или нет. Он вообще мало знал о ёкаях, потому что предпочитал не интересоваться тем, что может навредить. Но сейчас он чувствовал себя

обиженным.

— Мои хайку хорошие, — пробормотал он, утыкаясь в тарелку.

— Хорошие хайку не начинаются со слова «утренний», если только это не хайку о том, как кончился кофе у старого монаха.

— У нас нет кофе, — резонно заметил Бацу.

— Именно, — кивнул учитель. — Поэтому и хайку у тебя плохие.

Бацу замолчал. Окончательно и бесповоротно. Он набрал в рот риса, потом добавил кусочек редьки, перемешал всё это на языке и проглотил, стараясь не издавать звуков. Получалось плохо — челюсти всё равно скрипели, а когда он проглатывал особенно крупный ком, из горла вырывалось что-то вроде бульканья.

Кагэро не комментировал. Он вернулся к своей размеренной трапезе, откусывая редьку ровно наполовину и жуя десять раз.

За окном, сквозь пожелтевшую бумагу, пробивалось утреннее солнце. Где-то в лесу застрекотала цикада — первая в этом сезоне. Лето приближалось, а вместе с ним — жара, духота и неизбежные тренировки у водопада, от которых Бацу хотелось утопиться.

Последние зёрна риса исчезли в бездонной пропасти, которую Бацу называл своим желудком. Он поставил пустую

тарелку на стол, отодвинулся, икнул (громко, со вкусом) и уже открыл рот, чтобы попросить добавки, но учитель его опередил.

Кагэро встал. Он поднялся из-за стола плавно, как поднимается туман над утренним озером. Ни одного лишнего движения, ни одного скрипа половиц под ногами. Бацу иногда казалось, что учитель умеет ходить по воздуху, просто скрывает это умение, чтобы не травмировать психику ученика.

Палка — верная бамбуковая спутница всех тренировок — уже была у него в руке. Кагэро не брал её специально; палка просто оказывалась там, где нужно, как продолжение его руки. Бацу подозревал, что учитель даже спит с этой палкой в обнимку, но проверять не решался.

— Выходим, — сказал Кагэро и направился к двери, не оглядываясь.

Бацу вздохнул. Он знал этот тон. Это был не тон предложения и даже не тон приказа. Это был тон, которым говорят с неизбежностью: «Сегодня будет дождь», «Рис сварился», «Ты сейчас будешь страдать».

Он поднялся, поправил кимоно и побрёл за учителем. Дверь скрипнула, пропуская их наружу. Солнце уже поднялось достаточно высоко, чтобы испортить настроение любому нормальному человеку. Бацу прищурился, привыкая к свету, и последовал за учителем на поляну перед хижиной.

Поляна была небольшой — шагов двадцать в ширину и тридцать в длину. Её окружали бамбуковые деревья, кото-

рые росли так плотно, что создавали живую изгородь. Земля здесь была утоптана до состояния камня — не потому, что кто-то специально её утрамбовывал, а потому, что Бацу падал на неё каждый день уже три года. В некоторых местах образовались ямки — следы от его коленей, локтей и даже лица. В ямках иногда скапливалась дождевая вода, и тогда поляна превращалась в подобие рисового чека, только вместо риса там росло унижение.

Кагэро вышел в центр, повернулся к ученику и опёрся на палку, как старый крестьянин на мотыгу. Выглядело это расслабленно, даже лениво, но Бацу знал: в любой момент эта палка может оказаться где угодно. Например, на его макушке.

— Сегодня, — начал учитель, — мы начнём с самого простого.

Бацу внутренне приготовился к чему-то вроде «пробеги десять кругов вокруг рощи» или «поруби дрова, пока не сотрёшь ладони в кровь». Простое — это по меркам Кагэро обычно означало «невозможное, но ты попробуй, а я посмеюсь».

— Ты будешь стоять на одном пальце.

Наступила тишина.

Бацу моргнул. Раз. Два. Три.

— На чём, простите? — переспросил он, надеясь, что ослышался.

— На одном пальце, — повторил Кагэро с видом челове-

ка, который объясняет ребёнку, что дважды два — четыре. — Правой ноги. Остальное тело — в воздухе, вертикально. Глаза закрыты. Слушай ветер.

Бацу уставился на учителя, ожидая, что тот сейчас скажет «шучу» или «это была проверка на сообразительность, ты её провалил». Но учитель не шутил. Кагэро не шутил никогда. Во всяком случае, Бацу ни разу не видел, чтобы он шутил. Саркастические замечания — да, насмешки — пожалуйста, но чтобы настоящая шутка, с улыбкой и расслабленным лицом — такого не бывало.

— Сэнсэй, — осторожно начал Бацу, — это невозможно. Человек не может стоять на одном пальце. У нас нет суставов, которые... и равновесие... и вообще, я упаду и сломаю шею.

Он изобразил руками что-то вроде падающего человека, но получилось неубедительно, потому что падал он за свою жизнь столько раз, что перестал воспринимать это как угрозу.

— Невозможно? — Кагэро приподнял бровь. — Кто сказал?

— Физика, — ответил Бацу, чувствуя себя ужасно умным. — Гравитация. Законы природы.

— Законы природы, — повторил учитель, и в его голосе появилась та самая интонация, с которой он обычно произносил что-то вроде «бамбук гнётся, а дуб ломается». — А ты знаешь, что в мире есть люди, которые ходят по раскалён-

ным углям? Летают на метлах? Разговаривают с ёкаями?

— Это магия, — возразил Бацу. — У меня нет магии.

— Пока нет, — поправил учитель, и эти два слова повисли в воздухе, как облачко пара в холодный день.

— Стойка на одном пальце — не магия, — продолжил Кагэро. — Это баланс и концентрация. Умение стать пустым внутри, чтобы внешний мир перестал на тебя давить. Бамбук не ломается, потому что уступает ветру. Он пустой. Ты же твёрдый и глупый — поэтому и падаешь.

Бацу хотел сказать, что бамбук, вообще-то, внутри полый, потому что так его создала природа, а он, Бацу, внутри полым быть не может, потому что у него там органы. Но палка уже свистела в воздухе.

Бам!

Удар пришёлся по спине — не больно, скорее обидно. Бацу дёрнулся, почесал ушибленное место и с тоской посмотрел на учителя.

— Пробуй, — сказал Кагэро, делая шаг назад и скрещивая руки на груди. Палка теперь торчала из-за пояса, готовая к новым подвигам.

Бацу вздохнул. Глубоко. Так глубоко, будто хотел выдохнуть все свои сомнения, страхи и нежелание тренироваться. Не помогло.

Он скинул сандалии, пошевелил пальцами правой ноги, привыкая к прохладной земле, и поднял правую руку вверх для равновесия.

— Глаза закрыть! — рывкнул учитель.

Бацу зажмурился. Мир исчез. Остались только звуки: шум бамбука на ветру, далёкий крик петуха, собственное дыхание. Сердце ритмично стучало, мешая сосредоточиться.

Он оторвал левую ногу от земли, перенеся вес на правую. Пока держался на всей стопе — ничего страшного. Покачивался, но стоял.

— Теперь на палец! — скомандовал Кагэро.

Бацу приподнял пятку, перенеся вес на подушечку стопы. Нога задрожала. Равновесие качнулось, как лодка в шторм. Он попытался выровняться, качнулся в другую сторону, взмахнул руками, потерял опору и...

Шлёп!

Упал. Лицом в грязь. Грязь была холодной, липкой и очень обидной. Бацу лежал на земле, раскинув руки, и смотрел в небо одним чистым глазом. Где-то над ним проплывало облако, похожее на тарелку риса, и это было последней каплей.

— Ну что ж, — раздался спокойный голос учителя. — Первая попытка. Не самая позорная, но и не самая удачная. Вставай.

Бацу приподнял голову.

— Я предупреждал, — простонал он.

— Предупреждать нетрудно. Трудно делать. Вставай, я сказал.

Бацу встал. Отряхнул лицо рукавом, почесал ушибленные

колени и снова встал в исходную.

Вторая попытка закончилась быстрее первой. Он даже не успел оторвать левую ногу от земли — просто поскользнулся на мокрой траве и рухнул набок.

Третья — продержался две секунды на подушечке стопы, но когда попытался поднять руки, чтобы сбалансировать, его повело вперёд, и он встретился носом с землёй. К счастью, нос у Бацу был крепкий — после трёх лет тренировок он выдерживал почти всё.

Четвёртая. Пятая. Шестая.

С каждой попыткой Бацу падал всё быстрее, всё глупее и всё грязнее. К седьмому разу его кимоно напоминало не одежду, а большой грязный мешок, в котором кто-то перевозил уголь. Волосы были покрыты землёй, на щеке красовалась полоса грязи, а на лбу — след от какой-то ветки, которую он не заметил в момент падения. Бацу думал только об одном: как не упасть в десятый раз.

— Слушай ветер, — напомнил учитель. — Не пытайся стоять. Позволь себе стать пустым. Представь, что тебя нет. Тогда и падать будет нечему.

— Если меня не будет, я перестану существовать, — буркнул Бацу, поднимаясь.

— Идеальное состояние для воина. Действуй.

Глава 2

2

*Палец в небо тычет,
а я лицом в грязи —
равновесье, здравствуй.*

Бацу уже потерял счёт времени. Солнце, которое ещё недавно стояло над бамбуковой рощей, теперь перевалило на другую сторону неба и нагло заглядывало в глаза, мешая сосредоточиться. Или это не солнце мешало? Может, просто нечем было сосредотачиваться, потому что мозги после десятка падений превратились в рисовую кашу, которую размешали слишком усердно.

Колени были сбиты. Учитель не позволял доводить до крови, потому что «кровь отвлекает от медитации». Но до состояния, когда каждая царапина начинает гореть и ныть при малейшем движении, — да, дошёл. Бацу посмотрел на свои ноги. Левая коленка украшалась свежей ссадиной, правая — двумя старыми, которые успели зажить, но сейчас открылись вновь, потому что он приземлился на них уже раз двадцать.

Лицо тоже выглядело непрезентабельно. Грязь, которая еще утром была жидкой и противной, теперь подсохла и превратилась в корку, стягивающую кожу при любой попытке улыбнуться. Бацу попробовал улыбнуться — корка треснула, посыпалась мелкими комочками. Он выплюнул один из

них, случайно попавший в рот, и почувствовал вкус земли, перемешанной с травой и, кажется, древним помётом какой-то птицы.

«Гастрономические изыски Семи Островов», — мрачно подумал он.

Учитель сидел на камне в тени бамбука. Камень был плоским, удобным — Кагэро специально притащил его сюда много лет назад, чтобы иметь возможность наблюдать за тренировками учеников, не напрягая спину. Сейчас он сидел на камне с идеально прямой спиной, положив бамбуковую палку на колени, и читал свой блокнот.

Бацу, падая в очередной раз, успел заметить, что учитель что-то старательно выводит на странице. Водит кисточкой по бумаге, иногда останавливается, задумчиво смотрит в небо, что-то шепчет, потом снова пишет.

«Дневник тренировок», — подумал Бацу, вставая и отряхиваясь. — «Записывает мои позорные падения. Наверное, потом покажет другим мастерам и посмеётся».

Он не знал, что в этом блокноте рождался очередной любовный роман под женским псевдонимом «Харуко». Не знал, что героиней этого романа была прекрасная принцесса с глазами цвета осенней луны, а героем — бедный ронин, который ради неё готов был пересечь Пепельный барьер и сразиться с сотней ёкаев. И уж тем более не знал, что учитель, делая паузы и глядя в небо, подбирал рифмы к строкам вроде «твои волосы пахнут сакурой, даже когда ты не мыла

их три дня».

Бацу подошёл к месту, которое служило ему «тренировочной ареной», — утоптанному пятаку земли между корнями старого бамбука.

— Десятая попытка? — спросил он вслух, ни к кому не обращаясь.

— Тринадцатая, — ответил учитель, не поднимая глаз от блокнота.

— А я думал, двенадцатая.

— Двенадцатая была три падения назад. Ты упал, встал, почесал затылок, сказал «это было двенадцатое?», потом упал снова, а потом ещё раз. Так что тринадцатая.

Бацу вздохнул. Учитель, оказывается, не только записывал, но и считал. Как будто своих переживаний было мало.

Он вскинул правую ногу, балансируя на подушечке стопы, поднял левую, закрыл глаза и...

...и рухнул на землю, даже не успев понять, в какой момент потерял равновесие.

Тринадцатая попытка зафиксировала его локоть в грязи. Четырнадцатая — нос. Пятнадцатая — живот. Шестнадцатая была особенно эффектной: он попытался удержаться, взмахнул руками, словно мельница, сделал три шага на одной ноге, а потом всё-таки упал, но уже на спину, так что грязь украсила не лицо, а затылок. Настоящее разнообразие.

Учитель, наблюдая за этим цирком, не проронил ни слова. Он только изредка поднимал голову, смотрел на ученика,

вздыхал и снова возвращался к своему любовному роману.

Бацу, отдышавшись после шестнадцатой попытки, сел на землю, обхватил колени руками и уставился в одну точку. Где-то в бамбуковой роще стрекотали цикады — они начали свою летнюю песню, и это было единственным приятным звуком во всём этом аду. Ещё птицы перекликались где-то в вышине, и ветер мягко шелестел листьями, как будто насмеялся над его страданиями.

— Твоя проблема не в пальце, — вдруг сказал Кагэро, не поднимая глаз.

Бацу повернул голову. Учитель продолжал писать, кисточка его двигалась по бумаге легко и изящно — совсем не так, как двигалась палка, когда она встречалась с головой ученика. Там были грубая сила и точность, здесь — нежность и вдохновение. Если бы Бацу видел это сейчас, он бы заподозрил неладное. Но он видел только макушку учителя и краешек блокнота.

— Не в пальце, — повторил Кагэро. — Твоя проблема в голове.

— В голове у меня только рис и желание спать, — буркнул Бацу.

— Вот именно. — Учитель наконец оторвался от блокнота и посмотрел на ученика. Его глаза были полуприкрыты, но в них горело что-то, похожее на... сочувствие? Нет, Бацу показалось. Кагэро не умел сочувствовать. — Ты думаешь о том, как не упасть. Ты напрягаешься, зажимаешься и бо-

ишься. А нужно думать о том, как стать пустым.

— Пустым?

— Пустым. Как бамбук. Внутри — ничего. Ни страха, ни желания удержаться. Просто пустота. И тогда ветер будет проходить сквозь тебя, не задевая. Ты станешь невесомым. Понимаешь?

— Вы хотите, чтобы я перестал хотеть стоять? — спросил Бацу, чувствуя, что учитель говорит на каком-то другом языке, доступном только тем, кто родился с идеально прямой спиной и отсутствием чувства юмора.

— Я хочу, чтобы ты перестал бороться. С ветром и с собственным телом. Просто... отпусти.

Бацу подумал. Отпустить — значит упасть. А упасть — значит снова испачкаться. А снова испачкаться — значит потратить ещё полчаса на отмывание кимоно, которое и так уже не отмывается. Замкнутый круг.

Он встал, отряхнулся и снова принял позу.

— Попробую, — сказал он без особой надежды.

— Нет. Не пробуй. Делай.

Бацу закрыл глаза. Семнадцатая попытка.

Он поднял правую ногу на палец — знакомое, уже почти привычное движение. Отпустил левую — она повисла в воздухе, как плеть. Почувствовал, как тело начинает заваливаться вправо — рефлекторно дёрнулся, выровнялся, завалился влево, снова выровнялся, потом резко качнулся вперёд и...

...и не упал.

Бацу устоял целых три секунды. Потом нога задрожала, как осиновый лист, и он рухнул на колени, но это даже засчитывать не хотелось, потому что падение произошло не из-за потери равновесия, а из-за того, что мышцы просто отказались работать дальше.

— Семнадцатая, — констатировал учитель.

— Я почти...

— Почти — это не считается. Вставай.

Бацу встал. Восемнадцатая попытка закончилась хуже, чем семнадцатая, — он споткнулся о собственный палец (как можно споткнуться о собственный палец, стоя на одной ноге? Бацу не знал, но факт оставался фактом) и рухнул лицом в грязь с такой силой, что из носа пошла кровь.

— О, великие ками, — простонал он, зажимая нос рукавом. — За что?

— За глупость, — ответил учитель, не меняя позы. — И за то, что ты думаешь о крови вместо стойки.

Девятнадцатая попытка. Двадцатая.

К двадцатому разу Бацу перестал чувствовать свои ноги. Они жили своей жизнью, отдельно от него, и, похоже, вступили в заговор с учителем, чтобы сделать его существование максимально унижительным.

Он плюхнулся на землю в двадцать первый раз, но даже не попытался встать. Лёг на спину, раскинул руки и уставился в небо. Облака плыли медленно, лениво, будто дразнили его:

«Смотри, как мы умеем парить, а ты даже на пальце постоять не можешь».

В этот момент раздался голос учителя:

— Сарказм — это первый шаг к просветлению.

Бацу приподнял голову. Кагэро смотрел на него с камня, и в уголках его глаз снова появились те самые морщинки, которые могли означать либо одобрение, либо скрытую насмешку. Скорее второе.

— Что вы сказали? — переспросил Бацу.

— Ты сказал: «Если я стану пустым, то даже падать будет нечем». Это хороший сарказм. Острый, как мой меч. Мне понравилось.

Бацу приподнялся на локтях. Учитель хвалит его за сарказм? Это было так неожиданно, что он на мгновение забыл о своих сбитых коленях и испачканном лице.

— Спасибо, — осторожно сказал он, ожидая подвоха.

— Не за что. Но сейчас закрой рот и слушай ветер. Достаточно разговоров.

Бацу хотел сказать, что он и так молчал, но учитель уже снова уткнулся в блокнот, давая понять, что аудиенция окончена.

Бацу стоял на краю поляны, сжимая и разжимая пальцы ног, и чувствовал себя полным идиотом. Его кимоно приобрело цвет и фактуру болотной тины, волосы слиплись в грязные сосульки, а под ногтями образовались целые геологиче-

ские отложения. Если бы кто-то спросил его, каково это — быть учеником великого мастера, Бацу показал бы на себя и сказал: «Вот как. Мокро, грязно и очень обидно».

Учитель сидел на своём камне, читал блокнот и, кажется, даже не замечал, что на улице день, а не ночь, что солнце палит немилосердно, а его ученик только что в очередной раз попытался принять позу, достойную не то чтобы боевых искусств, а скорее циркового представления для нетрезвой публики.

Бацу глубоко вздохнул. Потом выдохнул. Потом подумал: «А что, если сделать наоборот?»

Он не знал, что именно «наоборот». Просто в голову пришла странная мысль: всё, что он делал до сих пор, было неправильным. Он напрягался, он старался, он бился, как рыба об лёд, — и всё без толку. А что, если перестать стараться? Что, если просто... отпустить?

Он снова вспомнил слова учителя о пустоте. Тогда они показались ему бредом сумасшедшего старика, который слишком долго медитировал на солнце. Но сейчас, после всех падений, в этой идее появился какой-то смысл. Если он всё равно падает — зачем бороться? Может, если он перестанет бороться, то перестанет и падать? Звучало нелогично, но в мире боевых искусств, где люди разговаривают с духами и стоят на пальцах, логика была не главным инструментом.

Бацу закрыл глаза. Он представил, что его тело — это не его тело. Не его. Чужое. Какая-то конструкция из костей и

мышц, которая висит в воздухе, подчиняясь не его воле, а каким-то неведомым законам. Он перестал напрягать мышцы. Перестал контролировать каждое движение. Перестал думать о том, куда поставить ногу и как сбалансировать руки.

Он просто... повис. Это было странное ощущение. Будто он — не твёрдый предмет, а кусок ткани, который бросили на ветер. Мышцы расслабились, позвоночник вытянулся, плечи опустились. Он перестал быть «Бацу, который пытается устоять на пальце» и стал просто «чем-то, что находится здесь».

И вдруг он понял, что его тело стало легче. Не то чтобы он потерял вес — нет, гравитация никуда не делась. Но ощущение тяжести исчезло. Будто кто-то выключил ту силу, которая тянула его вниз. Или, наоборот, включил какую-то другую силу, которая тянула его вверх.

Бацу не открывал глаз. Он боялся, что если откроет, то магия рассеется. Вместо этого он позволил своему воображению нарисовать картину: он — лист бамбука. Зелёный, гибкий и лёгкий. Лист, который качается на ветру, не сопротивляясь, не пытаясь удержаться, а просто следуя за каждым дуновением.

Он представил, как воздух обтекает его тело. Не как препятствие — а как друг. Воздух касался его кожи, его волос, и в этом прикосновении не было ни агрессии, ни насмешки. Было только — «я здесь, я поддерживаю тебя, ты не один».

И о чудо. Он стоял. Не две секунды. Не три. А целых пять — он считал про себя, потому что внутри него, в этой новой, непривычной тишине, время текло медленно, как смола. Раз... два... три... четыре... пять...

Бацу чувствовал, как малейшее дуновение ветра чуть сдвигает его центр тяжести. Но он не сопротивлялся. Он не пытался выровняться. Он просто следовал за ветром, как лист, который качается в воздухе, не зная, куда приземлится. И это было не страшно. Это было... естественно.

Он почувствовал, как воздух касается его правой щеки — чуть теплее, чем с левой. Значит, ветер дует с юго-востока. Несильно, но достаточно, чтобы изменить траекторию его тела. Бацу чуть наклонился вперёд — сам, без команды мозга — и ветер прошёл мимо, не задев его.

Секунда. Ещё секунда.

Шесть. Семь.

Он не упадёт. Он знал это. Он чувствовал это каждой клеточкой своего существа. Воздух держал его, как держит вода уставшего пловца, как держит мать ребёнка, как держит земля корни дерева.

А потом — тишина внутри него нарушилась. Его собственное «я», которое он так старательно спрятал, проснулось и закричало: «Эй! Ты стоишь! Ты реально стоишь! Смотри!»

И Бацу открыл глаза от радости.

Ошибка. Мир ворвался в его сознание со всей своей гру-

бой материальностью: солнце ударило в зрачки, тени заплясали вокруг, бамбук закачался слишком резко, а учитель — учитель сидел на камне и смотрел на него.

Смотрел так, как смотрит человек, который только что увидел нечто, нарушающее все законы природы. Не с восторгом — Кагэро был не способен на восторг. И не с удивлением — по крайней мере, внешним. Но его бровь...

Его бровь приподнялась.

Всего на пару миллиметров. Но для Кагэро, у которого мимика была развита примерно как у каменного изваяния, это было равносильно тому, что обычный человек подпрыгнул бы до потолка и закричал «Ура!».

Бацу заметил этот микроскопический жест. И в этот момент его равновесие, которое держалось на тончайшей ниточке внимания, рухнуло.

Бум!

Он упал. На этот раз — на бок, неудачно подвернув руку. Больно не было — только обидно. Обидно до слёз, хотя слёзы он, конечно, сдерживал, потому что мужчины на Семи Островах не плачут. Они только пускают носом кровь от перенапряжения.

Бацу лежал на земле, смотрел в небо и чувствовал, как внутри него бурлит странное чувство. Это была... надежда. Маленький огонёк, который разгорался в груди, согревая после холодных объятий земли.

Он стоял. Целых семь секунд. Может, даже восемь. Не

две, не три — а восемь. Это был прогресс. Это была победа. Маленькая, грязная, смешная, но победа.

Голос учителя раздался сверху:

— Интересно.

Бацу приподнял голову. Кагэро стоял над ним — он слез с камня и подошёл, даже не скрипнув веткой. Палка по-прежнему торчала у него за поясом, блокнот исчез в рукаве. Лицо учителя было непроницаемым, как всегда, но в глазах светилось что-то, чего Бацу никогда раньше не видел.

— Возможно, — произнёс Кагэро, делая паузу между словами, как будто каждое из них стоило ему огромных усилий, — в тебе есть что-то кроме риса и лени.

Бацу моргнул

— Это... комплимент? — осторожно спросил он.

— Это наблюдение, — ответил учитель. — Не путай.

Он повернулся и пошёл к камню. Бацу остался лежать на земле, переваривая услышанное. Учитель сказал «интересно». Учитель сказал «возможно, в тебе есть что-то кроме риса и лени». Для Кагэро, который обычно выражал одобрение отсутствием ударов палкой, это было высшей похвалой.

Бацу сел, почесал ушибленное плечо и улыбнулся. Улыбка получилась кривой — грязь на лице треснула и осыпалась мелкими комочками. Он вытер лицо рукавом, отчего оно стало только грязнее, и встал на ноги.

— Повторим завтра, — сказал Кагэро, не оборачиваясь. Он уже сидел на камне, рассматривая что-то в блокноте —

может, очередную любовную строфу, может, заметки о тренировке. Бацу никогда не узнает. — А сейчас — бег с тяжестями.

Бацу только успел перевести дыхание после финального рывка, как учитель уже стоял рядом с двумя мешками, которые выглядели так, будто в них упаковали по куску скалы. Мешки были старыми, из грубой мешковины, многократно заштопанными и пропотевшими от пота и дождя. Каждый такой мешок Бацу знал лично — по весу, по запаху, по тому, как они натирают поясницу, если пробежать больше пяти кругов.

— На сегодня, — сказал Кагэро, наклоняясь и ловким движением пристёгивая мешки к поясу ученика, — у нас бег с камнями.

Бацу посмотрел вниз. Два мешка висели по бокам, как два уродливых, тяжёлых, очень недовольных ребёнка, которые вцепились в него и не собирались отпускать. Пояс, к которому они крепились, натянулся, впился в живот и тут же напомнил о завтраке, который вот-вот мог попроситься наружу.

— Сколько в каждом? — спросил Бацу, хотя ответ знал заранее.

— Десять килограмм, — ответил учитель, выпрямляясь и отряхивая руки. — Всего двадцать на поясе. Для начала достаточно.

— Для начала чего? — простонал Бацу. — Для конца моей жизни?

— Для начала твоей карьеры воина, — поправил учитель. Он уже повернулся к хижине и, бросив через плечо «Десять кругов вокруг рощи», исчез в дверном проёме.

Бацу остался стоять посреди поляны, согнувшись под тяжестью камней, и смотрел вслед учителю с выражением, которое можно было прочесть как «за что мне всё это?». Но Кагэро не обернулся. Дверь за ним скрипнула и закрылась, отрезая путь к отступлению.

— Десять кругов, — повторил Бацу шёпотом, пробуя это число на вкус. Десять кругов вокруг бамбуковой рощи — это примерно два километра. С двадцатью килограммами на поясе. По разбитой тропинке. Под палящим солнцем.

Он попробовал сделать шаг — мешки качнулись, ударили по ногам, и он чуть не упал. Второй шаг был увереннее, третий — почти нормальным. На четвёртом он понял, что если идти мелкой, семенящей походкой, то камни не так сильно бьют по коленям.

— Гениально, — пробормотал он. — Я открыл новый способ передвижения. Назову его «походка калеки».

Он засеменил к тропинке, которая начиналась за бамбуковой рощей. Тропинка была узкой, утоптанной до блеска — по ней бегали все ученики Кагэро за последние несколько десятилетий. По краям росли дикие цветы, которые, казалось, насмехались над бегунами своей безмятежностью.

Бацу оттолкнулся и побежал. Первые два круга прошли на удивление легко. Мешки ещё не успели натереть поясницу, ноги не отказывались слушаться, а лёгкие работали ровно, без хрипов и перебоев. Бацу даже поймал себя на мысли, что бег — это не так уж и плохо. Можно подышать свежим воздухом, полюбоваться на бамбук, подумать о высоком.

Он попытался сочинить хайку. Что-нибудь вроде:

*Мешки за спиной —
не камни, а крылья,
только тянут вниз.*

Нет, глупость. Не крылья, а якоря. Но идея с хайку понравилась ему сама по себе — отвлекало от боли. Он попробовал ещё:

*Бегу по кругу,
жизнь моя как сандалии —
быстро изнашивается.*

Тоже не фонтан. Но в третьей попытке что-то зацепилось:

*Двадцать килограмм —
учительская любовь,
тяжёлая, но верная.*

Где-то внутри, в той части сознания, которая ещё не была занята кислородным голоданием, Бацу почувствовал удовлетворение. Хорошее хайку. Искреннее. Учитель бы одобрил, хотя никогда не признался бы.

На третьем круге всё изменилось. Ноги стали ватными. Не просто уставшими — ватными, как будто кости внутри рас-

плавились и вытекли, оставив вместо себя две бесформенные субстанции, которые отказывались подчиняться командам из мозга. Бацу попытался ускориться — и чуть не упал, споткнувшись о собственные пальцы.

— Ничего, — сказал он себе. — Это только третий круг. Осталось семь. Я справлюсь.

Он не справлялся. Четвёртый круг дался через силу. Камни начинали петь — не буквально, конечно, но в ушах у Бацу звенело так, будто внутри каждого камня сидел маленький кузнечик с крошечным молоточком. Пояс впился в живот, оставляя красные полосы. Мешки били по бокам, и каждый удар отдавался в позвоночнике неприятной, ноющей болью.

Пятый круг стал переломным. Бацу начал ругаться. Сначала тихо, шёпотом, чтобы никто не слышал. Потом громче. А потом он уже не сдерживался и орал на весь лес:

— Какой идиот придумал бегать с камнями?! Это не тренировка, это издевательство! Надо было родиться черепахой — они хотя бы панцирь носят, но не бегают!

Он ругал учителя — причём изошрённо, витиевато, вкладывая в каждое слово всю свою обиду и боль.

— Этот старый садист сидит сейчас в хижине, пьёт чай и, наверное, пишет свои дурацкие стихи! А я тут мучаюсь! Несправедливо! Где справедливость?! О, великие камни, если вы существуете, пошлите молнию в эту хижину! Только чтобы не убила, а просто попугала!

Молния не пришла. Солнце продолжало печь, камни —

тянуть, а ноги — подкашиваться. На шестом круге Бацу перешёл на шаг. Он уже не бежал — он ковылял, как раненый журавль, которого забыли вожаки. Каждый шаг давался с трудом, каждый вздох отдавался в груди болью. Лёгкие горели, в горле пересохло, язык распух и не помещался во рту.

— Я умру, — сказал он вслух. — Прямо здесь, на этом круге. И умру я не геройской смертью в бою с ёкаем, а смертью домашней скотины, которую загоняли до изнеможения.

Седьмой круг. Бацу добежал до середины и остановился. Не по своей воле — ноги просто перестали слушаться. Он постоял секунду, потом ещё одну, потом медленно опустился на землю, прислонившись спиной к бамбуковому стволу.

— Всё, — сказал он, закрывая глаза. — Сдаюсь. Забирайте меня, ёкаи. Я готов.

Он отстегнул мешки — дрожащими руками, развязал узлы и сбросил их на землю. Камни глухо стукнулись о траву, и Бацу почувствовал такое облегчение, будто с него сняли целую гору. Он вытянул ноги, откинул голову назад и тяжело задышал, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

— Никогда, — прошептал он, — никогда больше не буду... бегать с камнями... лучше сто раз упаду с одного пальца... чем ещё один круг...

Он закрыл глаза и провалился в чёрную, пульсирующую пустоту — какое-то полузабытьё, в котором время остановилось, а боль исчезла. Где-то далеко-далеко, на самой границе

слышимости, раздавались голоса — может быть, духов, может быть, просто ветра, запутавшегося в бамбуке.

— Хорошо, — сказал кто-то рядом.

Бацу открыл глаза. Прямо над ним стоял Кагэро.

Учитель не выглядел рассерженным. Он не выглядел вообще никак — лицо его было спокойным, как у человека, который только что вышел из чайной после удачного торга. Но в глазах — в этих вечно прищуренных, вечно насмешливых глазах — читалось что-то, что Бацу не мог определить. То ли разочарование, то ли, наоборот, одобрение того, что ученик хотя бы добежал до седьмого круга, прежде чем сдаться.

— Отдыхаешь? — спросил Кагэро тоном, который не предполагал ответа.

— Я... я просто... — начал Бацу, подбирая оправдание, но учитель уже наклонился, поднял мешки и, не говоря ни слова, закинул их обратно на пояс ученика.

Бацу застонал.

— Нет, пожалуйста, только не...

— Ты сам остановился, — перебил учитель. — Сам сбросил мешки. Сам сел на землю. Я тебя не заставлял. Значит, ты ещё не понял, что такое упорство.

— Я понял! — взмолился Бацу. — Я понял, что упорство — это когда не останавливаешься, даже если ноги отваливаются! Я понял, я всё понял, можно я пойду в хижину и лягу?

— Нет. — Кагэро выпрямился и скрестил руки на груди. — Ты продолжишь бег. С того места, где остановился.

Оставшиеся три с половиной круга.

— Три с половиной?!

— Хочешь четыре?

Бацу закрыл рот. Он медленно поднялся на ноги, чувствуя, как каждая клетка его тела протестует против этого безрассудного решения. Мешки снова повисли на поясе, и двадцать килограммов вернулись на свои места, как будто никуда и не уходили.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Потом ещё.

— Бегом, — сказал учитель.

Бацу побежал. Так, как может бежать человек, у которого внутри всё перегорело, а снаружи всё болит. Он бежал и думал о том, что, наверное, именно так чувствует себя бамбук, который гнётся под ветром, но не ломается. Только бамбук хотя бы не таскает на себе камни.

Кажется, он слышал смех учителя за спиной. Или это просто ветер?

Восьмой круг. Девятый. Десятый.

Бацу не помнил, как пробежал последние полтора круга. Он просто переставлял ноги, механически, как заводная игрушка, у которой вот-вот сломается пружина. В голове не было ни одной мысли — пустота, о которой говорил учитель. Только пустота и усталость. Когда он пересек воображаемую финишную черту, он рухнул на землю и не шевелился целую минуту.

— Вставай, — сказал учитель, который, конечно же, стоял

рядом.

— Не могу, — прошептал Бацу.

— Сможешь.

Кагэро протянул ему руку. Бацу посмотрел на эту руку — сухую, жилистую, покрытую старыми шрамами. Руку, которая держала меч, палку, кисточку для письма, веер с неприличным рисунком — всё что угодно. Руку, которая никогда не дрожала.

Он взял её. Кагэро рывком поднял ученика на ноги, и Бацу пошатнулся, но устоял. Мешки на поясе были всё ещё там — тяжёлые и ненавистные, но теперь, когда бег закончился, они казались не такими уж и страшными.

— Иди умойся, — сказал учитель, отпуская его. — Обед через час. За опоздание — дополнительные круги.

Он повернулся и пошёл к хижине. На этот раз Бацу не смотрел ему вслед с ненавистью. Он смотрел с чем-то вроде уважения. Или привычки. Или просто с полным отсутствием сил на какие-либо чувства. Он поплёлся к ведру с водой, по пути сочиняя последнее хайку этого дня:

Десять кругов ада —

Кагэро-сэнсэй знает счёт

моим падениям.

Воды в ведре почти не осталось — он вылил её себе на голову, на плечи, на спину, пытаясь смыть грязь, пот и унижение. Холод обжёг кожу, но это была хорошая боль — которая напоминает, что ты ещё жив.

Солнце уже клонилось к закату, когда Бацу наконец дополз до хижины. Слово «дополз» здесь не было преувеличением — он передвигался на полусогнутых ногах, волоча сандалии по земле, и каждое движение давалось ему с таким трудом, будто он тащил на себе не двадцать килограммов камней, а всю бамбуковую рощу вместе с корнями и обитателями.

Кимоно превратилось в грязную тряпку, которая держалась на теле исключительно благодаря узлам. Волосы торчали в разные стороны. Лицо Бацу украшали три свежие царапины, грязевая маска и выражение глубокой, вселенской усталости, которое обычно бывает у людей, переживших войну, голод и встречу с тещей.

Он стянул сандалии у порога, вошёл в хижину и рухнул на циновку, даже не попытавшись дойти до своего места. Просто лёг там, где стоял, — лицом вниз, раскинув руки в стороны, как морская звезда, которую выбросило на берег после шторма.

— Я умер, — сообщил он потолку. — Похороните меня под бамбуком. Надгробным камнем поставьте мешок с камнями.

Учитель сидел за столом и перебирал какие-то травы — сухие, пахучие, разложенные на бумажных листах. Он не поднял головы, когда Бацу вошёл, и не поднял, когда тот заговорил.

— Если ты умер, — спокойно ответил Кагэро, — то зачем дышишь? Я слышу твоё дыхание. Оно похоже на работу старого кузнечного меха — шумное, прерывистое и совершенно неэффективное.

— Это духи говорят через меня, — не открывая глаз, сказал Бацу. — Голоса предков.

— Голоса предков не храпят, когда спят лицом в грязной циновке.

— Я не сплю. Я медитирую.

Кагэро отложил траву, поднялся и подошёл к ученику. Он посмотрел на распростёртое тело, вздохнул и легонько пнул его ногой.

— Вставай. Мы не закончили.

Бацу приоткрыл один глаз, полный боли и неверия.

— Как это — не закончили? Я бегал с камнями. Десять кругов. Вы сами сказали, что если уложусь в четверть часа, то сегодня больше ничего не делаем.

— Я сказал «больше ничего не делаем» после бега. — Кагэро скрестил руки на груди. — А сейчас — перед ужином. Ты повторишь стойку на пальце. Проверим, не забыл ли ты то, что понял сегодня утром.

Бацу захотелось заплакать. На обиду у него уже не было сил. От простого человеческого желания, чтобы этот день наконец закончился и никогда не повторялся.

— Сэнсэй, — жалобно сказал он, — у меня ноги не держат. Они даже не мои. Я взял их напрокат у кого-то, кто не

умеет ходить.

— Тем лучше. Если ноги не твои, то и болеть будут не твои. Вставай.

— Это не логика. Это издевательство.

— Это жизнь, — поправил Кагэро. — Жизнь воина. А воин тренируется даже тогда, когда его тело кричит «не могу». Особенно когда кричит.

Бацу понял, что спорить бесполезно. Он перевернулся на спину, постоял, посидел, покряхтел, поохал и наконец, с помощью рук и приличной доли самоненависти, поднялся на ноги. Ноги дрожали. Колени подкашивались. Поясница ныла так, будто там поселился маленький ёкай с молоточком и отбивал ритм для танцев.

Он посмотрел на учителя. Кагэро кивнул в сторону двери.

— Выходи во двор.

Бацу вышел. Точнее, выполз. Но учитель не комментировал, и это было единственной победой, которую Бацу мог сегодня зафиксировать.

Двор встречал его вечерней прохладой и запахом увядающих цветов. Бамбуковая роща темнела, превращаясь в сплошную стену чёрных стволов. Где-то вдалеке лаяла собака, и кто-то звал домой детей, не желавших заканчивать игру. Обычный вечер на Семи Островах, ничего особенного. Только один молодой ронин, стоящий посреди поляны на дрожащих ногах, готовился к последнему испытанию этого долгого, долгого дня.

— Принимай позу, — скомандовал Кагэро, остановившись в трёх шагах.

Бацу закрыл глаза. Потому что не хотел видеть этот мир. В темноте было легче. В темноте можно было притвориться, что всё в порядке, что он не падал миллион раз подряд, что его тело не болит, а душа не ноет.

Он поднял правую ногу. Она дрожала. Она ходила ходуном, как желе на ветру. Мышцы отказывались держать вес, суставы скрипели, а пальцы судорожно сжимали землю, пытаясь найти опору там, где её быть не могло.

Бацу оторвал левую ногу от земли. И замер.

Чудо, но он не упал. Не сразу. Тело его качнулось, как маятник, потом выровнялось, потом снова качнулось, но он удержался. Каким-то невероятным, невозможным усилием он остался на одной ноге, балансируя на подушечке стопы, как канатоходец в цирке, только без каната, без страховки и без аплодисментов.

Он стоял. Секунда. Две. Три.

В голове его было пусто от усталости. Мысли не рождались, потому что мозг, как и всё остальное тело, взял выходной. Осталось только дыхание — тяжёлое, глубокое, и какое-то смутное ощущение того, что воздух вокруг него стал плотнее, будто его можно было потрогать руками.

Четыре. Пять. Шесть.

Бацу не верил себе. Он открыл глаза — и чуть не упал, но вовремя закрыл их обратно. Нельзя. Нельзя смотреть. Смот-

реть — значит думать. А думать — значит падать.

Семь. Восемь. Девять.

Он чувствовал ветер. Не как ласкового друга, который поддерживает его. Сейчас ветер был нейтральным, равнодушным. Он дул, куда хотел, и Бацу просто... следовал за ним. Не сопротивлялся. Не пытался выровняться. Просто был там, где его ставил ветер.

Десять.

Он постоял ещё несколько мгновений, а потом нога подкосилась, и он мягко опустился на колено. Не упал — опустился. Потому что сил стоять больше не было, но и сил падать тоже не осталось.

Тишина. Бацу открыл глаза. Учитель стоял напротив, скрестив руки на груди, и смотрел на него. Лицо Кагэро было непроницаемым, как всегда, но в глазах... в глазах было удовлетворение. Или удивление. Или то и другое вместе.

— Десять секунд, — сказал Кагэро. — Почти.

— Почти? — выдохнул Бацу. — Это было десять?

— Девять с половиной. Но я округлил в твою пользу.

Учитель сделал шаг вперёд и протянул руку. На этот раз Бацу не колебался — он взял её, и Кагэро поднял его на ноги с лёгкостью, которая казалась неправдоподобной для человека его возраста.

— Иди в хижину, — сказал учитель. — Сядь.

Бацу послушно побрёл к двери, каждый шаг отдаваясь в уставших ногах тупой, ноющей болью. В хижине было темно

— учитель не зажигал лампу, и только слабый свет из окна позволял различать очертания предметов.

Он сел на циновку, на которой спал, и закрыл глаза. Кажется, он мог заснуть прямо так, сидя, не дожидаясь ужина. Сон подкрадывался к нему мягкими лапами, обещая забытьё и покой. Но уснуть он не успел.

— Открой рот, — сказал учитель.

Бацу открыл глаза. Кагэро стоял над ним, и в руке у него была фляга — маленькая, керамическая, покрытая трещинами, как старая карта. Из горлышка пахло сакэ — сладко, терпко, очень соблазнительно для человека, который не пил ничего, кроме воды и чая, уже целую вечность.

— Один глоток, — сказал Кагэро, откупоривая флягу. — За то, что ты не умер от глупости на первом уроке.

— Это... это сакэ? — удивился Бацу. — Вы же говорили, что сакэ — это для стариков, у которых нет будущего.

— Я говорил, что сакэ — для тех, кто заслужил, — поправил учитель. — Сегодня ты заслужил. Пей.

Он протянул флягу. Бацу взял её дрожащими руками, поднёс к губам и сделал маленький глоток.

Сакэ оказалось тёплым, приятно тёплым, как пар от свежесваренного риса. Оно скользнуло по горлу, и вслед за ним по телу разлилось тепло. Успокаивающее, как если бы кто-то зажёл внутри него маленькую печку и аккуратно регулировал огонь, чтобы не перегреть.

Где-то в груди, там, где последние несколько часов копи-

лась усталость, боль и обида, вдруг стало легче. Просто — легче. Как будто кто-то снял с него тот мешок с камнями, только не весом в десять килограмм, а весом в целый день унижений.

Бацу опустил флягу и посмотрел на учителя.

— Спасибо, — сказал он.

Кагэро забрал флягу, закупорил её и спрятал за пазуху.

— Не за что, — ответил он. — А теперь спать. Твои храпы мешают мне писать стихи.

Бацу хотел сказать, что он ещё не ужинал, но понял, что ужинать не хочет. Вообще ничего не хочет — только лечь, закрыть глаза и провалиться в ту тёплую, мягкую тьму, которая уже обнимала его со всех сторон.

Он лёг на циновку, не снимая кимоно, не укрываясь одеялом, даже не подложив руку под голову. Просто упал на бок и закрыл глаза.

Последнее, что он помнил — это как учитель зажжёт масляную лампу. Свет был слабым, жёлтым, он плясал на стенах хижины, выхватывая из темноты лица и предметы. Кагэро сидел за столом, вынув свой блокнот из-за пазухи, и что-то старательно выводил на странице кисточкой. Лево́й рукой он придерживал рукав, чтобы не заляпать бумагу чернилами, и его лицо в свете лампы выглядело... другим. Не суровым, а сосредоточенным. Даже нежным.

Бацу сквозь пелену сна смотрел на учителя и думал: «Что он там пишет? Дневник? Отчёты для других мастеров? Или,

может быть, что-то про меня?»

Он не знал. И, наверное, это было к лучшему, потому что знание иногда бывает опаснее любого ёкая.

Перед тем как окончательно провалиться в сон, Бацу заметил, как учитель перечитал написанное, улыбнулся — уголками губ, едва заметно — и что-то шепнул. Может быть, стихотворную строку. Может быть, имя.

А потом тьма сомкнулась над ним, и он уснул.

Он спал и не видел, как Кагэро долго сидел при свете лампы, перечитывая написанное. Не видел, как учитель взял новую кисточку, макнул её в чернила и вывел на чистом листе:

*Твои глаза как две сакуры,
но одна из них упала в мой чай.*

*Я пью и думаю: весна прошла,
а я всё жду, когда ты вымоешь чашку.*

Кагэро перечитал эти строки, вздохнул, закрыл блокнот и спрятал его на груди, ближе к сердцу. Потом он погасил лампу, и хижина погрузилась в темноту, нарушаемую только тихим, мерным храпом ученика, который спал на циновке и видел сны.

Глава 3

3

*Кошелёк тощий,
аппетит — как у дракона.*

Что купить, ума не приложу.

Утро началось не так, как ожидал Бацу. Эти ожидания были сформированы опытом: обычно его будил удар палкой по голове, затем следовали завтрак, тренировки, падения, боль, унижения, обед, тренировки, падения, боль, унижения, ужин, сон. Порядок мог меняться, но суть оставалась неизменной. Бацу уже привык к этому распорядку, как привыкают к хронической болезни — смиренно и без надежды на исцеление.

Но сегодня всё было иначе. Он проснулся сам. Без палки и без ледяной воды на лицо. Просто открыл глаза и понял, что выспался. Тело болело — вчерашние падения и бег с камнями давали о себе знать каждый раз, когда он пытался пошевелиться. Но голова была ясной, а в животе урчало с такой силой, что Бацу испугался, как бы не подумали, будто в хижине завёлся дикий зверь.

Он сел на циновке, потянулся, хрустнув позвоночником, и осмотрелся. Учителя в хижине не было. Палка, обычно прислонённая к стене у входа, тоже исчезла. Стол был накрыт — рис, чай, маринованная редька. Рядом с тарелкой лежал свёрнутый свиток, перетянутый тонкой верёвочкой.

Бацу узнал этот свиток — учитель использовал его для списков, когда отправлял ученика на рынок.

— Значит, на рынок, — сказал он сам себе, подползая к столу и набрасываясь на еду.

Завтрак прошёл в тишине и без оскорблений — потому что учителя не было, а сам себя Бацу ругать не собирался. Он съел двойную порцию риса, выпил три чашки чая, сжевал всю редьку до последнего кусочка и только после этого развернул свиток.

Внутри оказалось написано чёрными чернилами, старательным, каллиграфическим почерком:

«Рис — два ко,

Редька — пучок,

Огурцы (свежие, не вялые) — три штуки,

Зелёный чай — горсть,

И чтобы без глупостей».

Бацу прочитал список три раза. Первый раз — потому что хотел запомнить, что нужно купить. Второй — потому что не поверил своим глазам, увидев пункт про огурцы. Третий — потому что фраза «без глупостей» вызывала у него недоумение.

— Без глупостей — это про меня? — спросил он у пустой хижины.

Хижина не ответила. Но ответил голос снаружи — сухой и насмешливый, совершенно не удививший Бацу.

— Это про тебя, про твой нос, про твои хайку и про твою

привычку торговаться до драки.

Дверь скрипнула, и в хижину вошёл Кагэро. Он был без палки — видимо, оставил её где-то снаружи, потому что для утреннего наставления палка не требовалась. В руках учитель держал маленький потёртый кожаный кошелёк, с выцветшей вышивкой, которую когда-то изображала сакура. Кошелёк явно был старым, но выглядел надёжным, как и всё, что принадлежало Кагэро.

— Держи, — сказал учитель, бросая кошелёк ученику. — Там несколько медных монет. Этого должно хватить на рис, овощи и чай. Огурцы — на твои деньги, если хочешь есть, а не кормить капп.

Бацу поймал кошелёк на лету — ловко, почти как настоящий воин. Он взвесил его на ладони. Кошелёк был лёгким, подозрительно лёгким.

— И сколько здесь? — спросил Бацу, заглядывая внутрь и прикидывая сумму.

— Ровно столько, сколько нужно на список, — ответил Кагэро, отворачиваясь и делая вид, что поправляет что-то на полке. — Ни больше, ни меньше.

— То есть, если я захочу купить...

— Ты не захочешь, — перебил учитель. — Потому что ты умный мальчик и знаешь, что сладкие рисовые лепёшки — это путь к ожирению, лени и преждевременной смерти от несварения желудка.

Бацу открыл рот, чтобы возразить, но учитель уже про-

должал:

— И никаких лепёшек. Ты и так толстый.

Бацу возмущённо хлопнул себя по животу. Живот был плоским. Более того — он был впалым, потому что Бацу последние три года питался рисовой кашей и мечтами, а от мечтаний, как известно, не толстеют. Но учитель, видимо, придерживался другой теории.

— Какой я толстый? — возмутился Бацу. — У меня рёбра можно пересчитать!

— Я их и пересчитываю каждое утро, когда ты просыпашься, — невозмутимо ответил Кагэро. — Семь с левой стороны, восемь с правой. Неравномерное развитие. Ещё один повод не есть лепёшек.

Бацу хотел сказать, что неравномерное развитие рёбер не имеет никакого отношения к рисовым лепёшкам, но понял, что спорить бесполезно. Учитель всегда находил способ настоять на своём, и единственным оружием, которое работало против этого, было молчаливое неповиновение. А у Бацу на сегодня не было сил даже на неповиновение.

Он сунул кошелёк за пояс, свернул свиток и засунул его в рукав.

— До обеда вернусь? — спросил он, направляясь к выходу.

— До завтрака вернись, — поправил учитель. — Рынок уже открыт. Если опоздаешь, обед сварить сам. Из корней.

Упоминание о корнях подействовало лучше любого кнута. Бацу вылетел из хижины быстрее, чем ёкай из запечатанного свитка, и побежал по тропинке, ведущей к деревне.

Рынок находился в получасе ходьбы от хижины, и это были лучшие полчаса в жизни Бацу. По крайней мере, сегодня. И, возможно, за всю последнюю неделю. Потому что на эти полчаса не распространялась власть учителя.

Тропинка вилась между залитыми водой чеками, где молодой рис только начинал пробиваться из мутной глади. Вода в полях была тёплой, почти горячей — солнце постаралось на славу. Местами над поверхностью поднимался лёгкий пар, и Бацу казалось, что кто-то невидимый варит огромный котёл рисовой каши прямо под открытым небом. От этой мысли живот его издал звук, похожий на приветствие древнего дракона, проснувшегося после тысячетней спячки.

Он шёл не спеша. Это было непривычно — не бежать, не спешить, не бояться, что сзади раздастся свист палки или окрик учителя. Он просто переставлял ноги, смотрел по сторонам и дышал. Воздух был пропитан запахами цветущих трав, нагретой земли и, чуть дальше, деревни — дымом, навозом и свежим хлебом. Бацу втягивал эти запахи полной грудью и чувствовал себя почти счастливым.

Он даже начал насвистывать. Мелодия была незамысловатой — что-то вроде народной песенки, которую он слы-

шал на празднике урожая год назад. Свист получался кривым, фальшивым, но Бацу это не смущало. Вокруг не было никого, кто мог бы оценить его музыкальные способности. Только поле, тропинка, да несколько птиц, которые, впрочем, тут же улетели, заслышав этот свист.

— Не мешало бы им иметь чувство юмора, — заметил Бацу вслух, провожая взглядом последнюю убегающую птицу.

Чем дальше он уходил от хижины, тем оживлённее становилась дорога. Сначала ему встретилась крестьянка с корзиной яиц — она приветливо кивнула и ускорила шаг, когда Бацу попытался заговорить с ней о погоде. Потом пробежал мальчишка с удочкой, явно сбежавший с уроков, и даже не взглянул на ронина. А потом...

Вдали показалась старуха. Она была маленькой, ссохшейся, как прошлогодний гриб, и тащила на спине огромную вязанку хвороста. Вязанка была раза в два больше самой старухи, и казалось, что это не она несёт хворост, а хворост несёт её — просто так, для компании. Каждый шаг давался ей с трудом, ноги подкашивались, спина сгибалась всё сильнее, но старуха упрямо двигалась вперёд, не останавливаясь.

Бацу, который всего полчаса назад размышлял о добрых делах и своей врождённой склонности к благотворительности, тут же бросился на помощь.

— Бабушка! — крикнул он, подбегая. — Давайте помогу! У вас же спина сейчас треснет!

Он протянул руку к вязанке, готовясь перехватить её и

взвалить себе на плечо. Но старуха отреагировала так, будто он предложил не помощь, а ограбление.

— А-а-а! — взвизгнула она тонким, пронзительным голосом. — Опять эти бродяги! Уходи, проходимец, ничего у меня нет!

Она рванула вперёд с такой скоростью, которую трудно было ожидать от человека, несущего на себе полдома дров. Вязанка подпрыгивала на её спине, ветки трещали, но старуха бежала, не оглядываясь, и вскоре скрылась за поворотом, оставив Бацу стоять с протянутой рукой и открытым ртом.

— Я... я просто помочь хотел, — сказал он пустой дороге. Бацу опустил руку и вздохнул.

— Добрые дела здесь не в почёте, — заключил он философски. — Либо я выгляжу как разбойник, либо старухи на Семи Островах слишком хорошо знают цену чужой помощи. Или, может быть, всё дело в моём лице. Учитель говорил, что у меня лицо человека, который съел чужой обед и теперь хочет съесть чужой хворост.

Он побрёл дальше, размышляя о превратностях судьбы. С одной стороны, ему было обидно — он искренне хотел помочь. С другой стороны, он понимал старуху. В мире, где ёкаи могут принять чужой облик, а бродячие ронины иногда не прочь поживиться чужим добром, доверять незнакомцам было опасно.

Бацу решил не принимать отказ близко к сердцу и продолжил путь. Вскоре поля сменились лугами, а луга — редки-

ми деревьями, за которыми показались первые дома деревни. Дома были маленькими, с соломенными крышами, окружённые плетнями и фруктовыми садами. В одном из садов кто-то кричал на детей, в другом — лаяла собака. Обычная деревенская жизнь, которая шла своим чередом, не обращая внимания на одного ронина без гроша в кармане.

Бацу свернул с тропинки на полевую дорогу, которая вела к главному святилищу. И проходила мимо каменного идола, стоящего на границе полей. Идол был маленьким, не выше колена, вытесанным из серого камня, который покрылся мхом и лишайниками. Лицо у него было круглым, с двумя ямками вместо глаз и широкой улыбкой, которая выглядела одновременно дружелюбной и насмешливой. Кто-то повязал ему на шею соломенный пояс, а у подножия лежали несколько засохших цветов и кусок рисовой лепёшки.

Несколько крестьян стояли на коленях у святилища и кланялись, сложив руки в молитвенном жесте. Один из них — старый, лысый, с морщинистым лицом — бормотал что-то под нос, видимо, просил у духов хорошего урожая или защиты от засухи.

Бацу остановился. Он не был особенно религиозным, в том смысле, что не ходил в храмы каждое воскресенье и не жертвовал деньги на благовония. Но учитель много раз говорил ему, что в мире Семи Островов духи — это не абстракция, а соседи. Они живут рядом, в лесах, в реках, в домах, в камнях. И к соседям нужно относиться уважительно, даже

если ты их не видишь и не понимаешь их языка.

— С духами лучше дружить, даже если ты их не видишь, — говорил Кагэро. — Потому что невидимый сосед может быть самым опасным. Ты не знаешь, когда он обидится, а когда — поможет.

Бацу не знал, помогает ли этот каменный дух, которому крестьяне поклонялись, но решил не рисковать. Он подошёл к святилищу, поклонился, слегка наклонив голову, потому что чувствовал себя глуповато, кланяясь камню. Потом сложил руки перед грудью и мысленно сказал:

«Привет, дух полей. Я не знаю, кто ты и что ты любишь, но если у тебя есть свободное время и возможность, не насылай на меня несчастья. И учителю тоже не насылай — он и так меня достаточно мучает. Спасибо. Рис тебе и огурцы».

Он ещё раз кивнул и пошёл дальше, чувствуя себя немного лучше. Может быть, духи и правда существуют. А может быть, просто приятно было сделать что-то, не требующее ни денег, ни усилий.

Крестьяне, заметив его поклон, одобрительно закивали. Один из них даже крикнул вслед: «Хороший молодой человек! Не забывай богов!» Бацу помахал рукой, не оборачиваясь, и ускорил шаг. Впереди уже виднелись окраины города.

Город назывался Рэндзи, и он был самым большим на острове Хонкай. Не то чтобы на острове было много городов — скорее несколько деревень и одна приличная торговая площадь, которую гордо именовали «рынком». Здесь торговали

всем, что можно было продать: от риса и овощей до древних свитков и сомнительных амулетов. Сюда приезжали крестьяне из окрестных деревень, рыбаки с побережья, странствующие торговцы и даже, иногда, настоящие купцы с больших кораблей.

Бацу шёл по главной улице, которая вела к рынку. По обеим сторонам тянулись лавки и прилавки — ещё закрытые или только открывающиеся, потому что утро было в разгаре, и торговцы готовились к наплыву покупателей. Где-то стучали молотки, где-то ругались, где-то смеялись дети, которые не учились, а баловались.

И тут — запах. Бацу остановился как вкопанный. Ноздри его раздулись, а рот сам собой открылся, готовый принять то, что обещал этот аромат.

Свежая выпечка. Кто-то на окраине рынка пёк рисовые лепёшки с бобовой пастой. Аромат был таким сильным, таким соблазнительным, что Бацу показалось, будто он чувствует его не носом, а каждой клеточкой своего голодного тела. Сладкое тесто, поджаренная корочка, томлёная паста из красных бобов — всё это смешивалось в один невероятный коктейль, от которого у него потекли слюни.

Он замер. В голове началась борьба. С одной стороны — учитель, который сказал чётко и ясно: «И никаких лепёшек. Ты и так толстый». С другой стороны — аромат, который говорил: «Купи меня, и ты будешь счастлив».

Бацу посмотрел на кошелёк. В кошельке было несколь-

ко медных монет. Ровно столько, чтобы купить рис, редьку, огурцы и чай. Ни медяка лишнего.

— Одна маленькая лепёшка не считается, — начал уговаривать он себя. — Самая маленькая. Размером с мой палец.

Совість, которая проснулась от запаха, возразила: «Учитель сказал "никаких". Никаких — значит, ноль. Ноль лепёшек. Даже маленьких».

— Но я вчера так старался! Я бегал с камнями! — возразил Бацу своей совестью.

«Ты падал двадцать раз и жульничал на бегу, сбросив мешки», — напомнила совесть.

— Это была вынужденная мера! — возмутился Бацу. — Я хотел проверить, наблюдает ли учитель. Оказалось, что наблюдает. И я продолжил бег. Так что я заслужил лепёшку.

Совість вздохнула и замолчала — то ли согласившись, то ли просто устав от споров. Бацу решил, что это согласие. Он сделал шаг в сторону прилавка, где женщина в белом переднике выкладывала на деревянную доску дымящиеся лепёшки. Лепёшки были круглыми, золотистыми, с румяной корочкой и капелькой сладкой пасты, которая вытекала из трещинки в тесте.

— Одна, пожалуйста, — сказал Бацу, уже протягивая руку к монете.

Но тут он вспомнил, что у него нет лишних денег. А рис, редька, огурцы и чай — это святое. Если он купит лепёшку, то не сможет купить огурцы. А без огурцов, как известно,

нельзя успокоить каппу.

— Хотя, — сказал он себе, — каппа в озере вряд ли придёт сегодня. Может, обойдётся без огурцов?

Совість снова ожила: «Учитель сказал "огурцы"».

— Учитель много чего говорит.

«И "без глупостей"».

— Это он про меня просил?

«Да».

Бацу вздохнул, убрал руку от кошелька и, сделав над собой нечеловеческое усилие, отвернулся от прилавка.

— Не сейчас, лепёшка, — сказал он, глотая слюну. — Ещё не время. Мы ещё встретимся.

Запах стал ещё сильнее, когда он проходил мимо, и Бацу пришлось зажать нос, чтобы не развернуться.

Рынок гудел, как растревоженный улей. Торговцы наперебой выкрикивали свои товары, перебивая друг друга, и в этом хаосе голосов невозможно было разобрать, кто что продаёт, а кто просто орёт от избытка чувств. Запахи смешивались в причудливый коктейль, от которого у непривычного человека закружилась бы голова, но Бацу бывал здесь достаточно часто, чтобы научиться отделять аромат свежей рыбы от запаха перезревших фруктов, а благовония — от дыма жареных лепёшек.

— Рыба, рыба, свежая рыба! Только с утра поймана, ещё хвостом бьёт!

— Овощи! Лук, редька, дайкон! У меня самые сочные!

— Ткани из самого столичного города! Шёлк, хлопок, да же парча для тех, у кого кошелёк толще!

— Амулеты! Амулеты от всех болезней, от сглаза, от ёкаев, от лени, от глупости, от тёщи!

Бацу шёл по центральному ряду, лавируя между телегами, прилавками и покупателями. Он знал, куда ему нужно — к старому торговцу рисом Хикодзо. Его лавка находилась в самом конце рынка, у большого каштана. Хикодзо был известен на всю округу своим скверным характером, завышенными ценами и рисом, который, несмотря на всё это, был самым лучшим на острове.

Путь к прилавку Хикодзо лежал через ряды с амулетами. Бацу обычно проходил их быстро, не задерживаясь, потому что не верил во всякую магическую чепуху. Амулеты, засушенные травы, колокольчики на верёвочках — всё это казалось ему одинаково бесполезным. Если бы амулеты работали, думал он, учитель не заставлял бы его бегать с камнями, а просто повесил бы на шею какую-нибудь табличку и отправил спать.

Именно в этот момент, когда он проходил мимо одного из прилавков, раздался голос.

— Эй, ронин с кислой миной! Твоя удача сегодня на нуле — купи амулет!

Голос был звонким, как колокольчик, и такой настойчивый, что Бацу невольно остановился. Он обернулся.

Прилавок, у которого он замер, был завален самым невероятным хламом, какой только можно было себе представить. Деревянные таблички с нацарапанными иероглифами висели на верёвочках, колокольчики позвякивали при малейшем дуновении ветра, пучки засушенных трав торчали из глиняных горшков, а рядом лежали груды каких-то странных камней, ракушек, перьев и старых монет. Всё это было разложено с такой тщательностью, что создавалось впечатление, будто владелец прилавка потратил часы на то, чтобы создать идеальный беспорядок.

За прилавком стояла девушка. Она была невысокой — примерно по плечо Бацу, — с худощавой фигурой, которая говорила о том, что она не привыкла сидеть без дела. Её волосы, чёрные и блестящие, были собраны в два хвоста, торчащих в разные стороны, как усики насекомого. Несколько прядей выбились из причёски и падали на лицо, но девушка, казалось, не обращала на них внимания. Глаза у неё были большими и тёмными, с искорками озорства, которые тут же зажглись, когда она увидела, что Бацу остановился.

Но самое главное — она улыбалась. Улыбка была такой широкой, такой искренней, такой заразительной, что Бацу на мгновение забыл, куда он шёл и зачем. Казалось, что если она будет улыбаться ещё секунду, её лицо треснет по швам, как переспелый арбуз, и оттуда посыпятся конфетти и радость.

— Мэйко, — представилась девушка, делая лёгкий по-

клон, от которого её хвосты подпрыгнули. — Лучшая торговка амулетами к востоку от вулкана. А ты, судя по грязи на коленях, ученик какого-то сумасшедшего мастера.

Бацу опустил взгляд на свои колени. Грязь действительно была — вчерашняя, въевшаяся, с рыжеватым оттенком. Он попытался прикрыть её руками, но было поздно.

— Я... я просто упал по дороге, — сказал он, чувствуя себя идиотом.

— Дважды? — спросила Мэйко, указывая на пятна на обеих коленях.

— Трижды, — честно признался Бацу. — И один раз на спину.

Мэйко расхохоталась. Смех её был громким, звонким, совершенно не подходящим для торговли амулетами, которая должна внушать покупателям спокойствие и умиротворение. Она смеялась, запрокинув голову, и её хвосты тряслись в такт смеху, как два маленьких зверька, которые тоже находили ситуацию забавной.

Бацу почувствовал, что краснеет. Ему не нравилось, когда над ним смеялись, даже если смех был добрым. Но Мэйко так заразительно хохотала, что он сам чуть не улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, делая шаг в сторону. — Мне нужно идти. Рис покупать.

— Постой! — Мэйко выскочила из-за прилавка и схватила его за рукав кимоно. Пальцы у неё были цепкими, как у кошки, и Бацу не смог вырваться. — Ты не хочешь купить

амулет? У меня есть амулет от всего! От болезней, от сглаза, от разбитого сердца, от...

— У меня не разбито сердце, — перебил Бацу.

— Пока не разбито, — согласилась Мэйко. — Но когда разобьётся, будет поздно. Амулет нужно носить заранее. Это как прививка от глупости.

— От глупости прививок не бывает, — буркнул Бацу. — Иначе учитель сделал бы мне её ещё в первый день.

— О, так у тебя есть учитель? — Мэйко прищурилась, и её глаза, и без того озорные, засверкали ещё ярче. — И что же он за сумасшедший?

— Он не сумасшедший, — обиделся Бацу. — Он... строгий.

— Ах, строгий, — протянула Мэйко. — Ну конечно. Строгие учителя самые сумасшедшие, просто хорошо маскируются. Ладно, не будем о твоём учителе. Давай о деле.

Она отпустила рукав и, прежде чем Бацу успел сбежать, выхватила из кучи на прилавке маленькую деревянную табличку, исписанную иероглифами. На верёвочке, привязанной к табличке, висел крошечный колокольчик, который при движении издавал едва слышное «динь».

— Амулет от лени, — объявила Мэйко, торжественно поднимая табличку над головой. — Специальное предложение для таких, как ты — уставших, грязных и вечно недовольных. Всего три медяка!

Бацу посмотрел на амулет, потом на Мэйко.

— Если бы амулет от лени работал, — сказал он, — ты бы сама не стояла за прилавком. Ты бы лежала на циновке и ела сладкие лепёшки.

Он ожидал, что Мэйко обидится. Или начнёт спорить. Или хотя бы нахмурится. Она же сделала нечто совершенно иное. Она расхохоталась снова, да так громко, что несколько прохожих обернулись.

— Острый язык — признак глупой головы, как говорит моя бабушка, — сказала Мэйко, вытирая выступившие от смеха слёзы краем рукава. — Но мне нравится. Ты честный. Редкое качество среди ронинов.

— Я не ронин, — возразил Бацу. — У меня есть учитель.

— У ронинов тоже бывают учителя. Просто они их не слушаются. — Мэйко сунула амулет обратно на прилавок и наклонилась к Бацу поближе. — Ладно, так уж и быть. Дам тебе скидку.

Она полезла под прилавок, порылась там и извлекла на свет маленькое круглое зеркальце. Оно было медным, размером с ладонь, с потускневшей поверхностью, на которой едва можно было разглядеть своё отражение. Края зеркальца были украшены незамысловатым узором — веточками сакуры, которые кто-то нацарапал, явно не будучи профессиональным гравёром.

— Один медяк, — сказала Мэйко, протягивая зеркальце Бацу. — И это вот тебе в подарок.

— Зеркальце? — Бацу взял его, повертел в руках. — За-

чем мне зеркальце? Я и так знаю, как выгляжу.

— Ты выглядишь ужасно, — невозмутимо ответила Мэйко. — Но зеркальце не для красоты. Оно для защиты. Пригодится, когда встретишь ёкая, который показывает твои страхи.

Бацу поднял бровь.

— Ёкай, который показывает страхи?

— Ноппэрабон, — сказала Мэйко, понижая голос до таинственного шёпота. — Безликий дух. Он показывает людям самые жуткие образы — их собственные страхи, только умноженные на сто. Но есть одна хитрость: если посмотреть на него в зеркало, он пугается собственного отражения. Потому что, видишь ли, у него нет лица, а в зеркале он видит пустоту. И эта пустота пугает его до смерти.

— Откуда ты знаешь? — спросил Бацу, чувствуя, что его интерес к этой странной девушке растёт.

— Торгую амулетами, — пожалала плечами Мэйко. — Надо знать, что продаёшь. А ёкаев на Семи Островах много. Если не знать, как с ними обращаться, можно и жизнью заплатить.

Она сунула зеркальце ему в руку, так что отказываться было уже неудобно.

— Бери, бери. Оно не кусается. В отличие от некоторых моих амулетов. Этот, например, — она ткнула пальцем в табличку с колокольчиком, — против капп не работает вообще. Я его продала одному рыбаку, он повесил на лодку, но каппа

всё равно откусила ему весло. Пришлось возвращать деньги.

Бацу не знал, смеяться ему или удивляться. Девушка была странной — слишком болтливой, слишком открытой, слишком... не такой, как все. Обычно торговцы на рынке хвалили свой товар до небес и никогда не признавались, что он не работает. А эта Мэйко сама рассказала о неудачном амулете, даже не смутившись.

— Но это зеркальце хорошее, — добавила она, заметив его сомнения. — Проверено. Моя бабушка носила его двадцать лет и ни разу не встретила Ноппэрабона. Правда, она и вообще ёкаев боялась, так что сидела дома. Но зеркальце, может, и помогло. Кто знает.

Бацу взвесил зеркальце на ладони. Оно было лёгким, почти невесомым. Медь потускнела, но кое-где ещё поблёскивала на солнце, напоминая о том, что когда-то это был ценный предмет.

— Спасибо, — сказал он, пряча зеркальце за пазуху. — Но денег у меня всё равно нет. Учитель дал ровно на рис и овощи. Ни медяка лишнего.

— Ах, вот оно что, — Мэйко разочарованно вздохнула, но не обиделась. — Ну, тогда считай, что я тебе подарила. За красивые глаза.

— Мои глаза не красивые, — буркнул Бацу. — Они маленькие и вечно сонные.

— Я и не про твои глаза говорила, — усмехнулась Мэйко. — Про свои. Я решила сделать доброе дело, чтобы карма

была чистая. А теперь иди, покупай свой рис. И не забудь огурцы для каппы. Говорят, они сейчас особенно активные.

— Откуда ты знаешь про каппу? — удивился Бацу.

— Я всё знаю, — Мэйко подмигнула. — Я же лучшая торговка амулетами к востоку от вулкана. А на западе от вулкана, между прочим, вообще никто не торгует, так что я абсолютный чемпион.

Она рассмеялась собственной шутке, и Бацу невольно улыбнулся.

— Ладно, — сказал он, делая шаг назад. — Мне правда пора. Спасибо за зеркальце. Я... я вернусь, когда будут деньги.

— Обязательно вернись, — кивнула Мэйко. — Только умойся сначала. А то мои амулеты пугаются грязных лиц.

Она уже отвернулась к прилавку, потому что к ней подошёл другой покупатель — молодой парень, который хотел амулет для удачи на экзаменах. Мэйко тут же переключилась на него, заговорив своим звонким голосом, полным энтузиазма и энергии.

Бацу постоял секунду, глядя на неё. Странная девчонка. Слишком говорливая. Слишком смешливая. Слишком... живая, что ли. В его мире, где всё было подчинено тренировкам и вечной усталости, такие люди казались пришельцами с другой планеты.

Он покачал головой, сунул зеркальце глубже за пазуху и двинулся к прилавку Хикодзо. Сзади всё ещё доносился го-

лос Мэйко: «А этот амулет от несчастной любви! Гарантия — три месяца! Если не поможет, вернём деньги!»

Бацу наконец добрался до лавки старого торговца рисом, протиснувшись между двумя телегами, которые загородили проход, и едва не столкнувшись с женщиной, нёсшей на голове огромную корзину с рыбой. Рыба пахла так, что у него заслезились глаза, но он вежливо извинился и пошёл дальше, проклиная в душе рынок, его тесноту и особенно торговцев, которые не умели парковать свои повозки.

Лавка Хикодзо находилась в самом конце рынка, у старого каштана, который разросся так сильно, что его ветви закрывали полнеба. Под деревом стоял прилавок — массивный, деревянный, сколоченный из досок, которые помнили ещё времена, когда этот остров заселяли первые переселенцы с континента. На прилавке были разложены мешки с рисом разного сорта, пучки редьки, свёртки с чаем и прочими припасами. Всё это было накрыто чистой тканью, чтобы мухи и пыль не портили товар.

Сам Хикодзо сидел на низкой скамеечке за прилавком и, судя по всему, дремал. Он был очень старым — его лицо напоминало печёное яблоко, сморщенное и коричневое от солнца. Глаза вечно слезились, нос покраснел от какой-то болезни, а из ушей торчали пучки ваты, которую он затыкал, чтобы не слышать рыночного шума. Одет он был в простое кимоно, перепачканное рисовой пылью. На голове смешная

соломенная шляпа, которая съехала набок.

Бацу подошёл к прилавку, прокашлялся. Хикодзо не пошевелился. Бацу прокашлялся громче. Старик нахмурился во сне и почесал нос. Бацу вздохнул и легонько постучал по прилавку костяшками пальцев.

— Стучать не надо, — вдруг сказал Хикодзо, не открывая глаз. — Я не глухой. Я просто отдыхаю.

— Вы не могли бы обслужить клиента? — вежливо спросил Бацу, хотя ему хотелось сказать что-то вроде «вы проспите всех покупателей, и останетесь с голой задницей».

— Какого ещё клиента? — Хикодзо приоткрыл один глаз, потом второй. Увидев Бацу, он скривился так, будто съел лимон вместе с кожурой. — А, опять ты. Опять пришёл? И почему твой учитель не может послать кого-то, кто не выглядит как оборванец?

— Я не оборванец, — обиженно сказал Бацу. — Я ученик.

— Ученик, который выглядит как оборванец, — уточнил Хикодзо. — Посмотри на себя. Кимоно в грязи, волосы как у ёкая, колени разбиты. Ты вчера в войну играл или просто подрался с котами?

— Тренировался, — буркнул Бацу.

— Ваш учитель совсем с ума сошёл. Когда я был молодым, мы просто ели рис и не жаловались. А теперь — стойки, бег, камни... Идиотизм.

Он протянул руку и помахал пальцами, требуя список. Бацу достал из рукава свиток, развернул его и положил на при-

лавок. Хикодзо надел очки — огромные, круглые, с треснувшей линзой — и начал водить носом по бумаге, как будто пытался вынюхать подвох.

— Рис — два ко, редька — пучок, огурцы — три штуки, зелёный чай — горсть... — пробормотал он. — Огурцы?! Зачем тебе огурцы? Ты что, каппу собрался кормить?

— Учитель сказал на всякий случай, — ответил Бацу.

— На всякий случай, — хмыкнул Хикодзо. — Ладно, не моё дело.

Он начал отсчитывать товар: отмерил рис в маленький мешок из плотной ткани, завернул редьку в бумагу, отсыпал чай из большого бочонка в маленький, а потом полез куда-то под прилавок и извлёк три зелёных огурца, ещё влажных от утренней росы.

— Держи, — сказал он, складывая всё это в большую холщовую торбу, которую протянул Бацу. — И будь осторожен с этими огурцами. Сейчас на них спрос большой — рыбаки скупают. От каппы, знаешь ли, лучшее средство.

Бацу отдал деньги — почти все, что дал учитель, и проверил сдачу. Хикодзо славился тем, что иногда «забывал» положить лишнюю монету, надеясь на невнимательность покупателей. Он уже собрался уходить, когда старик вдруг поманил его пальцем и заговорил шёпотом, наклонившись через прилавок так, что его шляпа чуть не упала.

— Слышал новость? — сказал Хикодзо, оглядываясь по сторонам, как заговорщик. — У озера объявился каппа.

Бацу нахмурился.

— Какой ещё каппа? В нашем озере? Там же сто лет не было никаких капп.

— А теперь есть, — прошептал Хикодзо, и его глаза, обычно сонные, забегали, как у испуганной мыши. — Уже двух рыбаков утащил за ноги. Второго еле отбили. Пришлось откупаться огурцами — кинули ему корзину, он отпустил ногу, но рыбака чуть не утопил, гад. Сильный, зараза. И хитрый.

Бацу поёжился. Каппа — это вам не шутка. Водяной дух, покрытый чешуёй, с клювоподобным ртом и впадиной на голове, в которой всегда есть вода. Если эта вода выльется, каппа теряет силу. Но если он ухватит тебя за ногу и утащит в воду — пиши пропало. Особенно опасны они весной и в начале лета, когда просыпаются после зимней спячки и хотят есть.

Учитель ничего не говорил ему про каппу. Интересно, почему? Может, не хотел пугать? Бацу не знал, но решил запомнить эту информацию и при случае спросить у Кагэро.

— А про танцующий чайник слышал? — продолжал Хикодзо, ещё больше понижая голос.

— Какой чайник? — переспросил Бацу.

— Обыкновенный. Глиняный. В лесу, говорят, какой-то ёкай шалит. То в чайник превратится и прыгает по поляне, то в старуху, то в камень. Наши бабы в голос воют, детей боятся в лес пускать. Мужики тоже нервничают. Говорят, это

тануки — злой дух-оборотень, который людей пугает.

Тануки, конечно, не дух, а ёкай-оборотень, но сути это не меняло. Тануки славятся своими розыгрышами — они могут превращаться во что угодно, от чайника до самого человека, и любят разыгрывать прохожих. Большинство из них не опасны, даже дружелюбны, если с ними правильно общаться. Но некоторые — особенно старые и одинокие — могут быть агрессивными.

— И что, этот чайник кого-то обидел? — спросил Бацу.

— Пока нет, — признал Хикодзо. — Но на всякий случай бабы боятся. Ты бы сказал своему учителю. Он, говорят, в таких делах разбирается.

Бацу кивнул. Сказать учителю — это, конечно, хорошо. Но что, если учитель просто отмахнётся, как обычно? «Не трогай, не вредит — не лезь». Таков был его принцип. Пока ёкай не нападает на людей, не убивает, не крадёт детей — не вмешивайся. У каждого духа есть право на жизнь, даже если он пугает крестьянских баб.

— Спасибо за новости, — сказал Бацу, забирая торбу. — Передам учителю.

— Передай, передай, — проворчал Хикодзо, снова надевая очки и делая вид, что погружается в чтение какой-то бумаги. — И больше не приходи в таком виде. А то мои покупатели пугаются.

Бацу вздохнул, повесил торбу на плечо и двинулся обратно, через рыночную толчею. Он шёл и думал. Каппа и танцу-

ющий чайник — две странные новости за один день. Обычно за лето случалась одна-две встречи с ёкаями, и то в отдалённых деревнях. А тут — прямо у озера, в двух часах ходьбы от их хижины. И ещё этот тануки, который превращается в чайник.

«Учитель точно знает, — думал Бацу, пробираясь между прилавками. — Он всегда знает. Но почему молчит? Может, проверяет меня? Или это часть тренировки? Не лезть в чужие дела, пока не попросят?»

Он не знал ответа, но чувствовал, что что-то не так. Что-то в воздухе висело — напряжение, как перед грозой. Даже запахи на рынке казались ему теперь не такими приятными, а крики торговцев — слишком громкими и фальшивыми.

Он выскользнул за ворота рынка и пошёл по тропинке, ведущей обратно к хижине. Дорога была пустынной — крестьяне уже разошлись по полям, а дети сидели дома или в школах. Бацу шёл один, насвистывая ту же незамысловатую мелодию, но теперь свист получался каким-то тревожным, прерывистым.

Он думал о каппе. О танцующем чайнике. О том, что учитель, возможно, скрывает от него что-то важное. И тут он заметил ветку.

Она лежала прямо на тропинке, там, где десять минут назад, когда он шёл на рынок, ничего не было. Ветка была тонкой, бамбуковой, с несколькими листьями, которые уже засохли. Но не это привлекло его внимание.

На ветке был выжжен символ. Бацу остановился, поставил торбу на землю и наклонился. Символ был странным — перевёрнутая сакура. Не цветок, а целое дерево с ветвями, направленными вниз, как будто кто-то поставил его вверх ногами. В середине, на стволе, была выжжена трещина, похожая на молнию.

Бацу никогда не видел такого символа. Но что-то в нём было... неправильное. Зловещее. Как будто сама природа отвергала этот знак, считала его чуждым. Он осторожно поднял ветку, повертел в руках. Она была тёплой, будто кто-то только что держал её в руках. И пахла она не деревом, а... гарью. Как после пожара.

— Странно, — пробормотал Бацу.

Он вспомнил, что учитель говорил ему о метках, которые оставляют кукловоды духов. Но это были легенды, страшилки для детей. Неужели они правдивы? Или это просто какой-то шутник решил напугать прохожих?

Бацу не знал, но спорить с предчувствием было глупо. Он решил сохранить ветку и показать учителю. Может быть, Кагэро объяснит, что это за символ и стоит ли его бояться.

Он сунул ветку в рукав рядом со списком, который уже выполнил свою функцию, подхватил торбу с продуктами и пошёл дальше.

Солнце клонилось к закату, и тени от деревьев становились длиннее. Тропинка, по которой он шёл, теперь казалась ему не такой знакомой и безопасной. Каждый куст, каждый

камень могли скрывать что-то нехорошее.

Бацу не оборачивался. Но если бы он обернулся, то увидел бы в чаще леса, среди густых зарослей папоротника, два жёлтых глаза. Они горели в полумраке, как два огонька, и смотрели прямо на него.

Никто не знал, чьи это были глаза. Может быть, зверя. А может быть, того самого каппы, о котором говорил Хикодзо. А может быть, и того, кто выжег символ на ветке. Глаза следили за Бацу, пока он не скрылся за поворотом. А потом — погасли.

Бацу вышел на открытое место, где хижина учителя уже была видна. Он ускорил шаг, чувствуя, что спина у него чешется, как будто кто-то смотрит. Но он не оборачивался. Он просто шёл вперёд, сжимая в руке торбу с рисом.

Где-то в лесу хрустнула ветка. Бацу вздрогнул, но не остановился.

«Учитель, — подумал он, — что происходит?»

Ответа не было. Только ветер шумел в бамбуке.

Глава 4

*Чайник пляшет сам,
а мне идти в лес ночной —
где тут справедливость?*

Бацу влетел в хижину как ураган. Торба с продуктами тяжело бухнулась на стол, едва не опрокинув кувшин с водой, а сам Бацу, запыхавшийся и красный, плюхнулся на циновку и устался на учителя с таким выражением, будто только что увидел призрака.

На самом деле он не видел призрака. Он видел ветку со странным символом, и этот символ всё ещё лежал у него в рукаве, обжигая предплечье своим невидимым теплом.

Кагэро сидел на своём обычном месте, у стены, и занимался тем, чего Бацу никогда не видел, — чистил меч. Меч учителя был очень старым. Лезвие его, хоть и начищенное до блеска, хранило следы многих битв — зазубрины, царапины, а на рукояти, обмотанной чёрной кожей, темнели пятна, которые могли быть кровью, а могли быть просто грязью. Бацу ни разу не видел, чтобы учитель обнажал этот меч в бою. Иногда ему казалось, что Кагэро вообще не нужно оружие — одной палки достаточно, чтобы справиться с любым противником. Но меч он носил всегда, и каждое утро, когда Бацу ещё спал, Кагэро выходил во двор и делал с мечом сложные, непостижимые движения, смысла которых ученик не пони-

мал.

Сегодня учитель чистил меч при нём. Это было необычно. Может быть, потому что он знал, что Бацу вернётся с новостями, и хотел создать соответствующую атмосферу. А может быть, просто потому, что настал день чистки меча, и никакие новости не могли его отвлечь.

— Купил всё? — спросил Кагэро, не поднимая головы.

— Всё, — ответил Бацу, выкладывая покупки на стол. Мешок риса занял почётное место в углу, свёрток с редькой лёг рядом, бочонок чая — на полку, а три огурца, которые Хикодзо завернул отдельно, так и остались лежать на столе, источая свежий, чуть горьковатый запах.

— Огурцы положи в ведро с водой, — сказал учитель. — Им нужна влага, иначе завянут. Каппа не станет есть вялые огурцы.

Бацу послушно переложил огурцы в ведро, которое стояло у двери, и вернулся к столу. Он помялся секунду, потом решился:

— Сэнсэй, я слышал новости на рынке.

— Ну?

— Про каппу. У озера объявился. Уже двух рыбаков утащил.

Кагэро провёл тряпицей по лезвию, проверяя, не осталось ли пятен, потом подул на меч и спрятал его в ножны. Всё это он делал медленно, неторопливо, как будто новости о нападениях ёкаев были не важнее мухи, жужжащей за окном.

— Каппа, — сказал он наконец. — Обычное дело. Придёт время — разберёмся.

— Что значит «придёт время»? — не понял Бацу. — Он же сейчас рыбаков топит!

— Топит? — Кагэро поднял бровь. — Рыбаки живы?

— Второго еле отбили, — признал Бацу, вспоминая слова Хикодзо.

— Значит, не топит. Каппа — не убийца. Он хулиган. Ему скучно, вот он и дёргает рыбаков за ноги. Если бы он хотел утопить, он бы утопил. Он же водяной дух, ему это проще простого. Но он не топит. Он играет. Немного жестоко, но не смертельно.

— Откуда вы знаете? — усомнился Бацу.

— Живу долго, — ответил учитель, и в его голосе прозвучала такая усталость, что Бацу не решился спорить. — Каппы — они как дети. Им нужно внимание. Если дать им огурцов или просто поговорить, они успокаиваются. Так что не переживай. За каппой я послежу.

Бацу кивнул, хотя на душе у него всё равно было беспокойно. Он достал из рукава ветку со странным символом, но спрятал её обратно, когда учитель начал говорить дальше.

— А что ещё? — спросил Кагэро, доставая из-за пояса палку и кладя её на колени. — Ты сказал «новости», во множественном числе. Какие ещё?

— Про танцующий чайник, — сказал Бацу. — В лесу, говорят, какой-то ёкай шалит. То в чайник превратится и тан-

цует, то в старуху. Хикодзо сказал, что бабы воют, детей боятся в лес пускать.

Кагэро закрыл глаза и замер. Бацу знал, что это значит — учитель думает. Когда он думал, его лицо становилось совсем каменным, а дыхание замедлялось настолько, что можно было подумать, будто он умер. Но через несколько секунд веки приподнялись, и в глазах зажглась искра интереса.

— Танцующий чайник, — повторил он. — Скорее всего, тануки.

— Тануки? — переспросил Бацу. — Это же... оборотень?

— Да. Енотовидная собака, которая умеет принимать любой облик. Любит сакэ, розыгрыши и иногда — пугать людей. В большинстве своём тануки безобидны, даже дружелюбны, если с ними правильно обращаться.

— А если неправильно?

— Тогда они могут превратиться в огромного зверя и начать крушить всё вокруг, — спокойно ответил Кагэро. — Но это крайний случай. Обычно тануки неагрессивны. Пока он не вредит, не трогай.

Бацу при этих словах аж подскочил.

— Не трогать? Так он же пугает людей!

— Пугает — это не вредит, — отрезал учитель. — Вред — это когда кто-то пострадал. Когда дом сломали. Когда ребёнка украли. А так — просто страшилки для деревенских баб. Пусть боятся, это полезно для иммунитета.

Бацу с трудом верил, что учитель говорит серьёзно. Но

выражение лица Кагэро не оставляло сомнений — он не шутил.

— А если начнёт вредить? — спросил Бацу, чувствуя, что ответ ему не понравится.

Кагэро пожал плечами. Пожал так, будто речь шла о том, какая погода будет завтра, — беззаботно, даже лениво.

— Тогда ты с ним и разберёшься. Хорошая тренировка для юного ронина.

Бацу открыл рот. Закрыл. Открыл снова.

— Я?! — выдохнул он. — Один?!

— А ты хотел, чтобы я с тобой пошёл? — Кагэро приподнял бровь, и в его глазах снова появилась та самая насмешливая искра. — Мне некогда. У меня стихи, — он запнулся на секунду, поправившись: — тренировочные планы. На завтра.

— Но я не готов! — взмолился Бацу. — Что я буду делать с тануки? Танцевать с ним?!

— А почему бы и нет? — учитель взял палку и начал вертеть её в руках, как игрушку. — Тануки любят танцы. Если ты станцуешь лучше, чем он, он, возможно, даже подружится с тобой.

— Сэнсэй!

— Не кричи. Я не глухой. — Кагэро поднялся, опираясь на палку, и посмотрел на ученика сверху вниз. — Слушай меня внимательно. Бамбук гнётся, но не ломается. Если ты не готов, учись быть готовым на ходу. Тренировки дома не

сделают тебя воином. Воином тебя сделает реальная встреча с реальным ёкаем. Возможно, ты упадёшь. Возможно, испугаешься. Возможно, даже обделаешься.

— Сэнсэй!

— Но ты встанешь, перестанешь бояться и вытрешься. И это будет твой первый шаг к тому, чтобы стать настоящим защитником Семи Островов. А пока ты просто мальчишка, который бегает с камнями и падает.

— И когда я должен идти?

— Прямо сейчас.

— Сейчас? — Бацу посмотрел в окно. Солнце уже клонилось к закату, и вскоре должно было стемнеть. Идти в лес, где бродит ёкай-оборотень, на ночь глядя — это было даже по меркам учителя жестоко.

— А ты хотел дожидаться утра, когда тануки будет спать после ночной пьянки? — усмехнулся Кагэро. — Хорошая мысль, кстати. Но нет. Иди сейчас. Тануки активизируются в сумерках. Утром ты его не найдёшь. А к вечеру он опять начнёт пугать людей. Поэтому — сейчас.

Бацу понял, что спорить бесполезно. Учитель уже принял решение, и никакие доводы, даже самые разумные, не могли его изменить. Он вздохнул так глубоко, что его лёгкие, должно быть, коснулись позвоночника, и направился к выходу.

— Меч возьми, — сказал Кагэро ему в спину.

— А без меча нельзя?

— Меч тебе, скорее всего, не понадобится. Но если тануки

рассердится, лучше иметь при себе что-то острое. Даже если это острое будет бесполезно, оно придаст тебе уверенности.

Бацу взял меч, который учитель дал ему в первый день обучения. Меч был обычным, без магии, без имени и без особых примет. Но он был острым, и это уже кое-что.

Он закрепил меч на поясе, поправил кимоно и вышел за дверь. Солнце садилось. Длинные тени тянулись от бамбуковых деревьев, и лес вдалеке казался чёрной, непроницаемой стеной.

— Когда-нибудь, — пробормотал Бацу, глядя на эту стену, — я напишу книгу. «Как пережить учителя-сади́ста». И она станет бестселлером на всех Семи Островах.

Из хижины донёсся голос Кагэро:

— Я слышу тебя!

— Я знаю! — крикнул Бацу в ответ. — Это был комплимент!

Он шагнул на тропинку, ведущую к лесу, и тут же споткнулся о камень, который не заметил в сумерках. Удержав равновесие на одной ноге, он посмотрел в небо, где уже загорались первые звёзды.

— Ну что ж, — сказал он сам себе. — Танцующий чайник, я иду. Постарайся не убить меня. И не обижайся, если я случайно отрублю тебе ручку.

Лес встретил Бацу тишиной. Настороженной, как будто все живые существа вокруг затаились и ждали, что будет

дальше. Тропинка, ведущая в лес, была узкой, едва заметной, заросшей папоротниками и молодыми побегами бамбука. Бацу шёл по ней, стараясь ступать как можно тише, хотя его сандалии всё равно хрустели на сухих ветках и шуршали по опавшим листьям. Меч он держал в правой руке наготове, чтобы в любой момент вытащить из ножен. В ножнах он был бесполезен, зато придавал уверенности.

— Главное — не бояться, — бормотал Бацу себе под нос, пробираясь между стволами. — Ёкаи чувствуют страх. Учитель так говорил. Хотя он же говорил, что мысли о рисе слышно за полгоры, так что вряд ли он авторитет в таких вопросах.

Солнце уже почти село, и в лесу стало сумрачно. Деревья отбрасывали длинные, искореженные тени, которые при малейшем движении ветра начинали плясать, как живые. Бацу несколько раз вздрагивал, принимая тень за неведомого зверя, но каждый раз оказывалось, что это просто ветка или куст.

Первые полчаса ничего не происходило. Только птицы — иногда в ветвях мелькала какая-то птаха, которая тут же улетала, испугавшись человека. Только белки — они носились по стволам, стрекотали и бросали в него шишками, будто насмехались. Только комары — они роились над головой, норовили залезть в нос и уши, и Бацу отбивался от них так яростно, что чуть не выронил меч.

— Никакого чайника, — сказал он вслух, останавливаясь

на небольшом пригорке. — Ни танцующего, ни стоячего, ни даже разбитого. Может, Хикодзо всё выдумал? Или тануки уже ушёл в другое место? Или его вообще не существует, а бабы просто перепили самогона и теперь видят всякое?

Он уже начал подумывать о том, чтобы вернуться. Хижи-на учителя была всего в получасе ходьбы, там — тепло, там — ужин и циновка, на которой можно лежать и не думать о ёкаях. А здесь — темнота, холод, комары и неизвестность.

Он сделал шаг назад — и в этот момент услышал странный звук. Бацу замер. Сначала он подумал, что ему показалось. Нет, звук повторился — ритмичный, упругий, похожий на стук мяча о землю. Но не мяча — что-то более тяжёлого. Что-то, что подпрыгивало и приземлялось, подпрыгивало и приземлялось, не сбиваясь с ритма.

Тупум. Тупум. Тупум.

Бацу вдруг осознал, что этот звук идёт откуда-то из глубины леса, оттуда, где поляна, на которую он никогда раньше не заходил, потому что учитель запрещал.

— Ничего страшного, — сказал он себе, хотя голос его дрожал. — Просто тануки. Всего лишь ёкай-оборотень. Который может превратиться в огромного зверя и разорвать меня на кусочки. Но в основном они безобидны.

Он всё ещё стоял на месте, не решаясь идти вперёд. А потом он вспомнил слова учителя: «Бамбук гнётся, но не ломается». И ещё: «Если ты не готов, учись быть готовым на ходу». И ещё: «Не обделайся».

Последнее он, возможно, сам додумал. Бацу сжал рукоять меча, сделал глубокий вдох и двинулся на звук.

Он крался, как охотник — пригибаясь, стараясь не наступать на сухие ветки. Меч он вытащил из ножен, потому что в темноте лучше перебдеть, чем недобдеть. Лезвие тускло поблёскивало в вечернем свете, и это тоже придавало уверенности. Не намного, но хотя бы как-то.

Звук становился всё громче. К стуку «тупум-тупум-тупум» добавился ещё один — дробный, быстрый, как будто кто-то отбивал ритм палочками по дереву. А потом Бацу разобрал мелодию. Вернее, не мелодию, а ритмический рисунок, который казался ему смутно знакомым.

Он раздвинул ветки кустарника и замер. Поляна была небольшой, круглой, поросшей мягким мхом и дикими цветами. В центре поляны не было ничего — ни пней, ни камней, только зелёный ковёр, который казался неестественно ровным. Но не это привлекло внимание Бацу.

На поляне стоял глиняный чайник. Стоял. На своих собственных, невидимых ножках, вертикально, как солдатик. Крышка у чайника была выбита — валялась в стороне, на мху, — и из горлышка шёл пар, хотя костра поблизости не было, а воздух был прохладным.

И чайник танцевал. Бацу моргнул. Потом протёр глаза рукавом, потому что решил, что ему мерещится.

Нет, не мерещилось. Чайник действительно танцевал. Он подскакивал в воздух, крутился вокруг своей оси, призем-

лялся на носик, балансируя, потом перекатывался на ручку, снова взлетал и принимал вертикальное положение. Всё это происходило в ритме, который создавал дятел, сидевший на соседнем дереве. Дятел стучал клювом по сухому суку, отбивая сложную, замысловатую дробь, и чайник двигался в такт этой дроби, как будто они репетировали вместе уже много лет.

Бацу смотрел на это представление с открытым ртом. С одной стороны, это было страшно — потому что оживший чайник, который пляшет под дятла, противоречил всем законам природы, которые он знал. С другой стороны, это было забавно — чайник двигался так неуклюже, так по-детски, что Бацу чуть не улыбнулся.

Но он сдержался. В конце концов, он здесь не для того, чтобы развлекаться. Он здесь, чтобы... а зачем он здесь, собственно? Учитель сказал: «Найди тануки», но не сказал, что делать дальше. Обезвредить? Поговорить? Убить? Пригласить на чай?

Бацу решил, что лучшая защита — это нападение. Или, по крайней мере, наглость. Он вышел из кустов на поляну, выпрямился во весь рост и произнёс голосом, который постарался сделать как можно более уверенным:

— Эй, чайник! Ты в своём уме?

Чайник замер. Он застыл в воздухе, зависнув на высоте примерно в метр от земли, как будто время остановилось. Дятел тоже перестал стучать. На поляне воцарилась тишина

— такая же глухая и настороженная, как в лесу, когда Бацу только вошёл.

А потом чайник медленно, очень медленно, повернулся. На его боку, прямо на глиняной поверхности, начали проступать очертания. Сначала два круга — большие, выпуклые, с чёрными точками в центре. Глаза. Они смотрели на Бацу с выражением, которое можно было прочесть как «что за идиот меня отвлёт?» Потом, ниже глаз, появилась дуга, которая изогнулась вверх, а потом ещё выше, образуя широкую, почти уродливую улыбку. Улыбка была такой широкой, что, казалось, вот-вот треснет глиняный бок.

— Ум — последнее, что меня беспокоит, — сказал чайник.

Голос у него был странным — низким, раскатистым, как у человека, который всю жизнь пил сакэ и никогда не пил воду. И в этом голосе слышалась пьяная философия, смешанная с детским озорством.

— А вот ты, — продолжил чайник, — выглядишь как человек, у которого есть сакэ.

Бацу сделал шаг назад.

— У меня нет сакэ, — сказал он честно.

Чайник вздохнул. Это был не просто вздох. Глубочайший, душераздирающий вздох, как у человека, который узнал, что весь мир против него. Чайник сдулся, как воздушный шарик, медленно опустился на землю и замер.

— Нет сакэ, — повторил он голосом, полным скорби. —

Опять нет сакэ. А почему я должен верить тебе, человек? Может быть, ты врёшь, чтобы я отстал? Может быть, у тебя за пазухой целая фляга, а ты жадничаешь?

— Клянусь, — сказал Бацу, поднимая руку в примирительном жесте. — У меня только рис и редька. И огурцы. Но огурцы для каппы.

— Для каппы? — Чайник вдруг подпрыгнул, как ужаленный. — Ты носишь огурцы для каппы, а для меня — ничего? Где справедливость?! Каппа — это мелюзга, он даже не умеет превращаться в чайник! А я — великий тануки, мастер перевоплощений, поэт, танцор и просто хороший парень! И я должен довольствоваться пустыми обещаниями?

Бацу уже понял, что перед ним — тот самый тануки, о котором говорил Хикодзо. И что тануки этот, судя по всему, не злой, а просто пьяный, или несчастный, или и то и другое вместе.

Чайник вздохнул ещё раз, потом начал меняться. Это было странное зрелище. Глина размягчилась, пошла волнами, форма исказилась, потеряла чёткость, а потом, спустя несколько секунд, на месте чайника сидел

Тануки.

Он был толстым — не просто упитанным, а круглым, как шар, с огромным животом, который свисал почти до земли и колыхался при каждом движении. мех его был серо-коричневым и полосатым, как у енота, а на спине, в том месте, где обычно бывает хвост, красовался короткий, пушистый обру-

бок. Морда была вытянутой, с маленькими ушками-лодочками и чёрным носом-пуговкой. Но самое главное — глаза. Глаза у тануки были огромными, круглыми, жёлтыми, и в них светилась такая тоска, что Бацу на мгновение забыл, зачем сюда пришёл.

Тануки тяжело плюхнулся на задние лапы, отчего земля под ним слегка прогнулась. Живот его, огромный и круглый, колыхнулся, как студень на тарелке, и на мгновение Бацу показалось, что внутри этого живота скрывается отдельный мир — со своими горами, реками и, возможно, даже ёкаями помельче. Тануки почёсывал этот живот с таким наслаждением, будто гладил любимого кота, и его глаза — жёлтые, круглые, с вертикальными зрачками — смотрели на Бацу с выражением, в котором смешивались лень, хитрость и какая-то странная, почти человеческая мудрость.

— Слушай, человеческий детёныш, — сказал тануки голосом, который вдруг стал серьёзным, без прежней пьяной хрипотцы. — Давай поговорим как взрослые. Ты — дурак, которого послал старый пердун, а я — бедный, несчастный ёкай, который всего-то и хочет, что немного выпить и повеселиться. Какие проблемы?

— Вы пугаете людей, — напомнил Бацу, стараясь говорить твёрдо, хотя его голос слегка дрожал. — Это уже проблема.

— Пугаю? — Тануки приподнял бровь, и от этого же-

ста его морда стала похожа на лицо обиженного торговца на рынке. — Я не пугаю. Я развлекаюсь. Это разные вещи. Если человек боится чайника — это его личная травма детства. Я тут ни при чём.

— А старуха с клыками? — не унимался Бацу. — Это тоже травма детства?

Тануки замялся. Почесал за ухом, потом другое, потом живот снова.

— Ну, старуха... это был эксперимент. Художественный. Я хотел посмотреть, как люди реагируют на нестандартную красоту. Оказалось, реагируют плохо. Узколобые они, ваши люди. Эстетическое чутьё отсутствует напрочь.

— У старухи были клыки, — повторил Бацу.

— А в старости у людей бывают клыки! — обиженно выпалил тануки. — У моей бабушки были такие клыки, что она могла грызть камни. И ничего, жила долго и счастливо. А ваши бабы просто завидуют.

Бацу понял, что спорить с этим ёкаем бесполезно — он перекручивал любые аргументы в свою пользу с ловкостью профессионального торговца на рынке. Оставалось либо уйти, либо попробовать другой подход.

— Ладно, — сказал он, убирая меч в ножны и показывая тем самым, что не собирается нападать. — Чего вы хотите на самом деле?

Тануки вздохнул. Вздохнул так глубоко, что его живот сначала надулся ещё больше, а потом опал, как спущенный

мяч.

— Понимаешь, человеческий детёныш, — начал он, в его голосе пропала вся игривость, осталась только усталость. — Я не хочу никому вредить. Честное слово ёкая. Просто мне скучно. Очень скучно. Я живу в этом лесу уже сто тридцать лет — и поверь, за сто тридцать лет можно увидеть всё, что только можно. Каждый куст я изучил вдоль и поперёк, каждую белку знаю по имени, каждый гриб я перепробовал. А развлекать себя как-то надо. Вот я и превращаюсь то в чайник, то в старуху, то в камень. Мне же не во что больше играть.

Бацу слушал и чувствовал, как его недоверие постепенно сменяется то ли жалостью, то ли пониманием. Он представил себя на месте тануки: сто тридцать лет в одном лесу, без друзей, без развлечений, только белки и грибы. Да он бы сам превратился в чайник и заплясал от тоски.

— Но зачем пугать людей? — спросил он мягче. — Могли бы просто попросить компанию.

— А кто бы со мной стал водиться? — горько усмехнулся тануки. — Я ёкай. Вы, люди, боитесь ёкаев. Даже добрых. Даже тех, которые просто хотят поговорить. Я пробовал подходить к крестьянам, предлагать помощь, рассказывать истории — они в крик, в слёзы, в бега. А я же не трогаю никого. Я даже курей не ворую, хотя мог бы, и вкусные они, проклятые.

Он почесал живот, теперь уже скорее по привычке, чем

от зуда.

— А тут ещё этот старый пердун Кагэро. Приходит прошлой зимой, занимает моё любимое место у ручья, пьёт моё сакэ — а потом уходит и не возвращается. Я думал, подружмся. Нет. Ему, видите ли, стихи писать надо.

Бацу насторожился.

— Вы знаете моего учителя?

Тануки поднял голову.

— Знаю. Как не знать. Кагэро — легендарный мастер. Он каждый год приходит в этот лес за травами. И каждый раз берёт с собой сакэ. Правда, в прошлый раз он почему-то ушёл раньше, чем я успел его догнать. Оставил бутылку под дубом — видимо, специально для меня. С тех пор я его и жду. Но он не идёт. А сакэ кончилось уже через три дня.

Бацу вдруг осознал, что весь этот разговор — не про пуганых крестьян и не про танцующие чайники. Это разговор про одиночество. Про старость и скуку. Про существо, которое живёт рядом с людьми, но не может с ними подружиться, потому что люди слишком боятся.

— Значит, вы хотите сакэ, — сказал он, возвращаясь к сути.

— Очень, — признался тануки. — И компанию. Но сакэ — это первое. Потому что без сакэ компания не получается.

— А если я принесу вам сакэ, вы перестанете пугать крестьян?

Тануки задумался. Покрутил головой, почесал живот, по-

чесал за ухом.

— Слушай, человеческий детёныш. Ты принесёшь мне бутылку сакэ — хорошего, не разбавленного, не из-под полы, а настоящего — и я даю слово ёкая, что перестану пугать твоих крестьян. Даю слово. Мы, тануки, хоть и проказники, но слово держим. Это у нас в крови. Ну, почти в крови. В основном в крови у нас сакэ, но слово тоже держим.

Он протянул лапу — маленькую, пушистую, с острыми коготками, которые почему-то были аккуратно подстрижены.

— Бей по рукам.

Бацу смотрел на эту лапу и колебался. С одной стороны, сделка с ёкаем — это всегда риск. Учитель учил его, что духи могут быть коварными, даже если кажутся безобидными. С другой стороны, тануки выглядел искренним. И говорит он складно, и глаза у него добрые, и слово дал.

— А почему я должен верить духу, который только что был чайником? — спросил он, всё ещё не решаясь ударить по лапе. — Чайником, который танцевал. И у которого не было крышки.

Тануки обиженно надул щёки. В прямом смысле — его морда раздулась, как воздушный шар, и стала ещё более круглой и смешной.

— Это была художественная крышка, — проворчал он. — Я её специально потерял, чтобы придать себе трагический вид. И вообще, не цепляйся к мелочам. Я тебе слово дал.

Чего тебе ещё?

— А если я принесу сакэ, а вы не перестанете?

— Тогда я буду не тануки, а каким-то паршивым каппой,
— фыркнул ёкай. — Мы, тануки, слово держим. Если ты не веришь мне, спроси у своего учителя. Кагэро старик, но честный. Он засвидетельствует мою репутацию. Он, между прочим, приходил ко мне прошлой зимой, — тануки сделал паузу и добавил с нажимом, — тоже сакэ просил, между прочим.

Бацу вытаращил глаза.

— Учитель? Просил у вас сакэ?!

— А ты думал, он только палкой махать умеет? — усмехнулся тануки. — Пришёл старый, хмурый, глаза щурит. Сел на мой любимый камень и говорит: «Есть сакэ?» Я говорю: «Есть». Он говорит: «Налей». Я налил. Мы выпили. Он сказал: «Спасибо. Хорошее сакэ. Откуда?» Я говорю: «Сам делаю. Секретный рецепт». Он сказал: «Врёшь». Я говорю: «Вру». Он рассмеялся. Редко он смеётся, твой учитель. Раз в десять лет, не чаще.

Бацу не знал, что удивительнее: то, что учитель пьёт сакэ с ёкаем, или то, что учитель умеет смеяться. Он ни разу не слышал смеха Кагэро — только саркастические замечания и сухие указания. А тут — «рассмеялся». Значит, тануки не врёт. Или врёт, но очень правдоподобно.

— Ладно, — сказал он, наконец решившись. — Я принесу вам сакэ. Завтра. До вечера. Только вы пока никого не пу-

гайте, хорошо?

Тануки радостно хлопнул лапами по земле. От этого хлопок по поляне прошла волна, и несколько листьев с деревьев сорвались и закружились в воздухе.

— Не буду, не буду, — заверил он. — Какой смысл пугать, если я знаю, что сакэ уже почти у меня? Буду сидеть тихо, как мышка. Только ты не обмани, человеческий детёныш. А то я тогда...

Он не договорил, но Бацу понял. Обманывать тануки не стоит. Никогда не стоит обманывать того, кто умеет превращаться в чайник и старуху с клыками.

— Не обману, — сказал он твёрдо, хотя сам не был до конца уверен, где возьмёт сакэ. Денег нет, учитель не даст, украсть не получится — Кагэро заметит пропажу за секунду. Но он решит эту проблему. Как-нибудь. Потом.

Тануки довольно кивнул и прикрыл глаза. Его тело начало меняться — сначала задрожало, потом вытянулось, потом округлилось, и через несколько секунд на поляне снова стоял глиняный чайник. Тот самый, без крышки, с проступающими на боку глазами и широкой улыбкой.

— Жду до завтрашнего вечера, — донёсся из чайника голос, который становился всё тише, будто его обладатель уходил вглубь земли. — Не придёшь — начну превращаться в горшки и пугать детей. А дети — они впечатлительные. Будут потом до старости заикаться.

Чайник подпрыгнул, крутанулся в воздухе и исчез в ку-

стах, оставив после себя только лёгкое облачко пыли и запах старого сакэ, смешанный с мокрой землёй.

Бацу остался стоять на поляне один. Он только что заключил сделку с ёкаем. Настоящим ёкаем, который умеет превращаться и разговаривать. И который, судя по всему, был не злым — просто несчастным.

— Странный день, — сказал он вслух. — Сначала девушка с амулетами, потом танцующий чайник, а теперь — сделка века. Не хватает только, чтобы учитель похвалил меня за инициативу.

Он повернулся и побрёл обратно к хижине, чувствуя, что сзади за ним никто не следит. Только лес, тихий и задумчивый, шумел листвою, провожая его.

Бацу понимал, что учитель вряд ли одобрит эту сделку. Скорее всего, Кагэро скажет что-то вроде: «Ты что, идиот? Нельзя связываться с ёкаями, если не уверен в своей силе». Но тануки сам упомянул учителя — значит, у них были отношения. Может быть, даже дружеские. По крайней мере, «дружеские по сакэ».

Он уже видел хижину — маленькую, с дырявой крышей, из которой в сумерках пробивался слабый свет масляной лампы. Учитель ещё не спал — значит, ждал его.

— Ну что ж, — сказал Бацу, остановившись у порога. — Будем посмотреть.

Масляная лампа, которую учитель зажёт перед уходом,

мерцала на столе жёлтым, неверным светом, отбрасывая на стены длинные, танцующие тени. Бацу сидел на циновке, поджав ноги под себя, и смотрел на пустое место напротив, где час назад сидел Кагэро и пил чай, делая вид, что его совершенно не волнует судьба ученика, отправившегося в лес на встречу с ёкаем.

Он вернулся час назад. Учителя не было. На столе лежала записка, нацарапанная торопливыми иероглифами на клочке бумаги, который, судя по всему, был вырван из того самого тайного блокнота:

«Ушёл за травами.

Не взламывай мою комнату.

Вернусь к утру.

Еда в горшке.

Не сожги хижину».

Бацу прочитал записку три раза. Первый — чтобы понять содержание. Второй — чтобы убедиться, что он правильно понял. Третий — чтобы прочитать между строк то, что учитель не написал, но, возможно, имел в виду: «Я знаю, что ты хочешь сделать, но не буду тебе мешать. Или, наоборот, я ушёл специально, чтобы проверить, насколько ты глуп. Или я просто забыл тебя предупредить, что в лесу водятся змеи. Или я не хочу иметь ничего общего с твоими авантюрами».

Бацу вздохнул. Он чувствовал себя покинутым, но в то же время свободным. Учителя нет — значит, никто не будет бить палкой по голове, когда он попытается достать сакэ с

полки. С другой стороны, учитель может появиться в любую минуту — он умел передвигаться бесшумно, как призрак, и мог стоять за спиной целую минуту, прежде чем ученик заметит его присутствие.

— Травы, значит, — пробормотал Бацу, глядя в тёмное окно. — Какие травы могут расти ночью? Может, он пошёл не за травами, а к тому самому тануки? Может, они договорились меня разыграть?

Он отогнал эту мысль. Учитель был строг, но не жесток. По крайней мере, не в том смысле, чтобы сговариваться с ёкаями против собственного ученика. Хотя...

Бацу встряхнул головой и переключил внимание на главную проблему: сакэ.

Бутылка стояла на полке — высоко, на самом верху, рядом с запасной кружкой и мешочком с засушенными грибами. Она была керамической, тёмно-коричневой, с узким горлышком и пробкой из пробкового дерева, которую украшала красная шёлковая ленточка. Учитель получил эту бутылку в подарок от крестьянина, чью деревню он спас от разъярённого каппы три года назад. Сакэ было особенным — выдержанным, дорогим, таким, что пили только по великим праздникам или когда настроение было особенно хорошим. Бацу ни разу не пробовал его, но запах — сладкий, пряный, чуть горьковатый — дразнил его каждый раз, когда учитель открывал бутылку, чтобы отпить глоток и снова закрыть.

«Украсть нельзя, — думал Бацу, глядя на бутылку. —

Учитель заметит. Он всё замечает. Он знает, сколько риса осталось, сколько чернил, сколько волосков осталось на моей голове после каждого удара палкой. Если я украду сакэ, он определит это по запаху, по весу бутылки, по положению ленточки. И тогда мне конец».

«Купить не на что».

«Остаётся... обмануть».

Мысль пришла внезапно, как удар палки по голове, только без боли. Бацу даже подпрыгнул от неожиданности, а потом замер, обдумывая её со всех сторон.

Обмануть ёкая. Тануки, который живёт сто тридцать лет и, наверное, за это время видел тысячи обманщиков, хитрецов и жуликов. Обмануть его водой, выдав её за сакэ. Гениально. Или идиотски. Бацу никак не мог решить.

Совість, которая последние несколько часов вела себя тихо и не пищала, вдруг проснулась и начала возмущаться: «Ты не можешь обманывать ёкаев! Учитель говорил, что обманывать духов — плохая примета. Ты навлечёшь проклятие на всю деревню!»

«Какое проклятие? — мысленно возразил ей Бацу. — Тануки сам сказал, что хочет сакэ. Он не говорил, какого качества. Вода — это тоже жидкость. Почти как сакэ. Если он не заметит разницы — значит, он не настоящий ценитель. А если заметит — я скажу, что сакэ испортилось. Оно же могло испортиться, правда?»

«Сакэ не портится», — ехидно заметила совесть.

«Всё портится, — отрезал Бацу. — Даже учитель портится. Вон, шрамы на спине, волосы седые. А сакэ тем более. Тануки пьяный, он всё равно не различит».

Он встал, подошёл к полке и снял бутылку. Она была тёплой от летнего вечера. Открыл пробку, понюхал. Запах был потрясающим — сладким, густым, с нотками персика и карамели. Бацу чуть не сделал глоток, но вовремя остановился.

«Нет, — сказал он себе. — Нельзя. Если я выпью хоть каплю, учитель узнает. Он по запаху определит, кто пил. У него нюх как у ищейки. А если я выпью и долью воды — пропорция нарушится, сакэ станет водянистым, и учитель тоже заметит».

Он закупорил бутылку и поставил обратно на полку. Остался другой вариант: найти пустую бутылку, налить в неё воды и выдать за сакэ, которое он якобы купил на свои деньги. А свои деньги... у него не было своих денег. Но тануки не знает, есть ли у него деньги. Тануки видит только то, что ему показывают.

Бацу начал рыскать по хижине в поисках пустой бутылки. В углу, за мешком с рисом, он нашёл то, что искал — керамический сосуд из-под соевого соуса. Бутылка была почти такой же формы, как та, в которой хранилось сакэ, только потемнее и с трещиной на боку. Трещина была заклеена какой-то чёрной смолой, которая блестела в свете лампы, как свежая рана.

— Выглядит как сакэ, — сказал Бацу, повертев бутылку в

руках. — Немного подозрительно, но в темноте леса никто не разглядит.

Он тщательно промыл бутылку водой из ведра. Три раза — чтобы наверняка смыть запах соевого соуса, который въелся в керамику за долгие годы. Потом наполнил её водой, засунул пробку и для надёжности обвязал горлышко тряпкой, чтобы вода не выливалась.

— Идеально, — сказал он, поднимая бутылку. Внутри плескалась прозрачная жидкость, которая в полумраке действительно напоминала сакэ. — Пахнет как... вода. Но тануки пьяный — не заметит. Скажет, что сакэ пресное, а я скажу, что это особый сорт. Из континентального региона. Там, говорят, сакэ делают из риса с привкусом дождя.

Он поставил бутылку на стол. Потом оглядел хижину — всё ли на месте, не забыл ли чего.

Учитель оставил еду в горшке: рис, тушёные овощи и кусочек рыбы. Бацу поел машинально, не чувствуя вкуса — мысли были заняты завтрашним днём. Он пойдёт в лес, отдаст тануки бутылку с водой, тот выпьет, ничего не заметит, обрадуется и перестанет пугать крестьян. А когда через день или два жидкость в бутылке закончится, тануки, возможно, решит, что сакэ было некачественным, но не будет злиться, потому что Бацу уже успеет стать его другом.

Совесь, которая до этого молчала, вдруг снова подала голос: «А если он заметит? Если он сразу поймёт, что это вода? Что тогда?»

Бацу представил себе разъярённого тануки, который превращается в огромного зверя и гонится за ним по лесу. Или в старуху с клыками, которая кусает за ноги. Или в чайник, который не танцует, а бьёт по голове, как учитель своей палкой.

«А вот тогда, — сказал он себе, — я буду действовать по обстоятельствам. Может, у меня получится его успокоить. Расскажу анекдот. Или хайку прочитаю. Про сакэ и обман».

Он не верил в успех, но другого плана не было. Бацу лёг на циновку, укрылся краем кимоно и закрыл глаза. Спать не хотелось, но тело требовало отдыха, и постепенно мысли начали расплываться, превращаться в образы, в сны.

Уже засыпая, он вдруг почувствовал чей-то взгляд. Кто-то, кто стоял за окном и смотрел на него сквозь мутное стекло масляной лампы. Бацу открыл глаза и повернул голову к окну.

Никого. Только темнота, только стекло, в котором отражается тусклый свет лампы, только луна, выглянувшая из-за облаков, и её бледный свет, падающий на подоконник.

«Показалось, — подумал Бацу. — Нервы. После разговора с ёкаем у любого начнутся галлюцинации».

Он закрыл глаза и провалился в сон. Ему снился тануки. Огромный, размером с гору, с глазами, горящими красным огнём. Тануки бежал за ним по лесу, и в руке у него была бамбуковая палка — точь-в-точь как у учителя. Бацу бежал, спотыкался, падал, вставал и снова бежал. А тануки кричал

ему вслед голосом, который был похож одновременно на голос Кагэро и на голос самого Бацу: «Обманщик! Лжец! Ты обещал сакэ, а принёс воду! Я превращу тебя в чайник и буду танцевать на твоей крышке!»

— Нет у меня крышки! — крикнул Бацу во сне и проснулся.

Было ещё темно. Лампа почти догорела, чадила и вот-вот должна была погаснуть. В хижине пахло гарью и сухими травами. За окном шумел лес. Негромко, тревожно, будто кто-то ходил между деревьями и оставлял за собой чёрные следы.

Бацу сел на циновке. Он посмотрел в окно — и на мгновение ему показалось, что в темноте, за стеклом, мелькнули два красных огонька. Не жёлтых, как у тануки, а красных, как угли в костре. Они горели ровно секунду, потом пропали.

— Показалось, — повторил он, уже не так уверенно.

Он лёг обратно, натянул кимоно на голову и зажмурился.

Глава 5

*Вода или сакэ —
тануки не отличит.
Ты, дух, лоханулся.*

Бацу проснулся раньше обычного. Не от удара палкой — палка мирно прислонилась к стене у входа, и никто ею не размахивал. Не от крика петуха — петухи, как назло, решили сегодня взять выходной. И даже не от голода — хотя живот урчал, требуя завтрака, это урчание было скорее привычным фоном, чем причиной для пробуждения.

Он проснулся от возбуждения. И от нервов. И от того, что во сне ему приснился тануки, который гнался за ним с бамбуковой палкой, и эта палка была точь-в-точь как у учителя, только почему-то с крышкой от чайника на конце.

Бацу сел на циновке, протёр глаза и огляделся. Учителя не было. Табуретка, на которой Кагэро обычно сидел утром, была пуста, кимоно учителя аккуратно висело на вешалке у двери, а палка стояла на месте. Значит, учитель ночевал где-то в другом месте — может быть, в лесу, может быть, у ручья, а может быть (хотя Бацу боялся даже думать об этом), у того самого тануки, с которым он собирался заключить сделку.

Но на столе лежал хлеб. Свежий, ещё тёплый, с хрустящей корочкой, которая трескалась при малейшем прикосновении. Рядом стояла чашка с травяным чаем — уже остыв-

шим, но всё ещё ароматным. Учитель заходил. Оставил завтрак и ушёл. Не разбудил, не ударил палкой, не прокомментировал вчерашнее приключение. Просто исчез, как будто его и не было.

— Странно, — сказал Бацу вслух, жуя хлеб. — Обычно он не пропускает утреннюю тренировку. Даже если болен. Даже если умер — он бы встал и пришёл тренировать меня. А здесь — тишина.

Он доел хлеб, выпил чай, умылся из ведра ледяной водой и начал собираться.

Бутылка с «сакэ» стояла на столе там, где он её оставил на ночь. Пробка была на месте, тряпка — обвязана вокруг горлышка. Внутри плескалась прозрачная жидкость, которая в утреннем свете казалась ещё более подозрительной, чем вчера. Вода как вода. Обычная, из ведра, с лёгким привкусом ржавчины и, возможно, крошечным комариком, который утонул там на прошлой неделе.

Бацу взял бутылку, повертел в руках. Она была тёплой — от того, что всю ночь простояла рядом с лампой. Он понюхал пробку. Пахло деревом и немного соевым соусом, несмотря на все промывания.

— Сойдёт, — сказал он себе. — В лесу запахи другие. Тануки пьяный, он не заметит.

Он сунул бутылку в холщовую сумку, которую прихватил с собой, заправил за пояс меч, проверил, легко ли выходит клинок из ножен, и вышел за дверь.

Утро было серым и хмурым. Небо затянули облака, такие плотные, что нельзя было понять, где солнце. В воздухе пахло дождём, хотя дождя ещё не было. Трава была мокрой от росы, и сандалии Бацу тут же промокли, закрипели и начали противно чавкать при каждом шаге.

— Идеальное утро для обмана ёкая, — пробормотал он, семена по тропинке к лесу. — Никто не увидит, никто не услышит. Только я и дух.

Настроение было приподнятым. Даже странно — он собирался обмануть существо, которое живёт сто тридцать лет, и вместо страха чувствовал почти радость. «Я, — думал Бацу, шагая по тропинке, — ученик великого мастера. Я стоял на одном пальце почти десять секунд. Я бегал с камнями и выжил. Я могу решить проблему с ёкаем не хуже какого-нибудь прославленного воина. А если даже не решу — хотя бы попробую».

Он начал сочинять хайку. Слова складывались сами собой, в ритме его шагов:

*Вода или сакэ —
тануки не отличит.
Ты, дух, лоханулся.*

Хайку получилось на редкость дурацким, но Бацу оно нравилось. Он даже хихикнул вслух — никто же не слышал, только лес, а лес умеет хранить секреты.

— Ты, дух, лоханулся, — повторил он шёпотом и хихикнул снова. — Гениально.

Он шёл быстрее обычного, почти бежал, перепрыгивая через корни и лужи. Лес встретил его тишиной, настороженной, как будто все живое спряталось и затаилось в ожидании чего-то ужасного.

Бацу нахмурился. Птицы не пели. Ветер не шевелил листья. Даже белки, которые обычно носились по веткам как угорелые, куда-то исчезли. Тишина была такой плотной, что звон в ушах казался громким, почти оглушительным.

— Странно, — сказал он, замедляя шаг. — Может, гроза будет? Животные чувствуют грозу. Или землетрясение. Или учитель решил устроить мне внезапную проверку и спрятался в кустах с палкой.

Он огляделся по сторонам. Никого. Только деревья, только кусты, только тропинка, уходящая вглубь леса, к той самой поляне, где вчера танцевал чайник.

Бацу поёжился от предчувствия. Что-то было не так. Лес, который вчера казался ему просто лесом, сегодня выглядел чужим и враждебным. Деревья стояли слишком прямо, ветви тянулись к небу слишком равнодушно, а тени от них падали слишком чёрными пятнами на землю.

— Воображение, — сказал он себе твёрдо. — Просто воображение. Вчера я впервые встретил ёкая, и у меня разыгрались нервы. Сегодня всё будет нормально. Приду, отдам бутылку, заберу обещание и уйду. Тануки выпьет, обрадуется, перестанет пугать людей. И все будут счастливы.

Он сжал рукоять меча и пошёл дальше, стараясь не обра-

щать внимания на тишину. Поляна появилась внезапно — раздвинулись заросли папоротника, и он увидел то же самое место, что и вчера. Та же круглая площадка, поросшая мхом, те же деревья вокруг, тот же пенёк, на котором вчера сидел дятел. Но дятла не было. И птиц не было. И белок, и комаров — никого. Только пустая поляна, которая ждала.

А в центре поляны уже стоял чайник. Тот самый. Глиняный, без крышки, с выбитым носиком и с проступающими на боку очертаниями глаз и улыбки. Чайник подпрыгивал на месте — не танцевал, как вчера, а просто подпрыгивал, как мяч, который бросают об землю, не переставая.

Увидев Бацу, чайник замер на секунду, а потом подпрыгнул так высоко, что чуть не улетел в кусты.

— Пришёл! — раздался из чайника голос, полный радости и нетерпения. — Пришёл, человеческий детёныш! А сакэ? Сакэ принёс?

Чайник завертелся на месте, как волчок, и в воздухе запахло чем-то сладким — может быть, старым сакэ, может быть, просто цветами, которые росли на поляне.

Бацу сделал шаг вперёд, стараясь выглядеть уверенно.

— Принёс, — сказал он, хлопая себя по сумке. — Настоящее сакэ. Отборное. Из самого лучшего риса, какой только есть на Семи Островах.

Чайник радостно запрыгал, и из него вырвался звук, похожий на счастливый вздох. Глина размягчилась, потекла, закрутилась, и через секунду на поляне сидел тануки. Тол-

стый, полосатый, с огромным животом и маленькими ушками-лодочками.

Глаза его горели жадным блеском, и он смотрел на сумку Бацу так, будто оттуда вот-вот вылетит не бутылка, а целый фейерверк из счастья.

— Давай сюда! — сказал он, протягивая лапы. — Давай, не томи!

Бацу полез в сумку, достал бутылку и протянул тануки. Тот схватил её с такой поспешностью, что едва не выронил, повертел в лапах, понюхал пробку.

— Станный запах, — сказал тануки, хмурясь. — Как будто соевый соус... или вода... или... нет, сакэ, наверное. Да, сакэ. Конечно, сакэ. Просто необычный сорт.

— Континентальный, — поспешно сказал Бацу. — Из-за моря привезли. Там рис другой, и вода другая, и... и солнце там по-другому светит. Вот и запах особенный.

— Ах, континентальный, — протянул тануки, и его лицо просияло. — Я слышал про такое. Говорят, очень дорогое. И редкое. Твой учитель, наверное, тебе его подарил?

— Ну... что-то вроде того.

Тануки кивнул, одобрительно цокнул языком и откупорил пробку. В нос ударил запах — воды, соевого соуса и немного ржавчины. Но тануки, видимо, не заметил — или сделал вид, что не заметил. Он закинул голову, приставил горлышко бутылки ко рту и сделал большой глоток.

Тануки замер.

Это была пауза перед бурей. Та секундная тишина, когда воздух сгущается, птицы перестают петь, а звери прячутся в норы, чувствуя приближение катастрофы.

Бацу, который уже собрался бежать дальше, вдруг понял, что ноги его не слушаются. Тануки вдруг перестал быть забавным толстым зверем, который любит сакэ и розыгрыши. Он стал чем-то другим. Чем-то древним, могучим и очень, очень злым.

Глаза тануки расширились. Они вылезли из орбит, стали огромными, круглыми, как два жёлтых солнца, в которых горело пламя обиды и ярости. Зрачки сузились до вертикальных щёлочек, и в этих щёлочках отражался весь мир — и Бацу, и лес, который вот-вот станет свидетелем расправы, и небо, которое, казалось, тоже замерло в ожидании.

Усы тануки тряслись. Они ходили ходуном, как две змеи, которые танцуют под дудку заклинателя. Кончики усов подрагивали, и от каждого подрагивания в воздухе расходились маленькие круги, похожие на рябь на воде.

А потом начал пульсировать живот. Огромный, круглый, мягкий живот, который ещё минуту назад колыхался как студень, вдруг напрягся. Кожа натянулась, стала гладкой, почти прозрачной, и сквозь неё можно было разглядеть, как внутри что-то бурлит, перекачивается, наливается силой. Живот пульсировал в ритме, который не поддавался никакому объяснению — то быстро, то медленно, то с остановками,

как будто внутри тануки происходило нечто, не предназначенное для глаз простых смертных.

— Что это?! — рявкнул тануки.

Голос его изменился. Пропала та пьяная хрипотца, пропала добродушие, пропала ленивая философия. Осталась только ярость — чистая и первобытная, как у зверя, которого заперли в клетку и дразнят палкой. Голос звучал низко, басовито, так, что земля под ногами задрожала, а с деревьев посыпались листья.

— Это... это просто вода!

Бутылка полетела в кусты и со звоном разбилась о камень, расплескав остатки обманной жидкости. Тануки вытер рот лапой и уставился на Бацу с таким выражением, будто перед ним был не человек, а самый отвратительный из всех ёкаев, которых он когда-либо встречал.

— Человек, ты меня обманул!

Бацу сделал шаг назад. Потом ещё один. Рука его сама собой опустилась на рукоять меча, но он не вытащил клинок — против разъярённого тануки меч бесполезен. Бесполезнее, чем бутылка воды, которую он только что вручил духу.

— Сакэ испортилось, — сказал Бацу, стараясь, чтобы голос его звучал ровно и невозмутимо. — Сам не знал. Поставщик подвёл. Наверное, не те огурцы положил.

Тануки не поверил. Это было видно по его глазам — они сверкнули жёлтым, как два факела в ночи, и в этом свечении читалось всё: и гнев, и обида, и сожаление о том, что он во-

обще связался с этим человеком.

— Поставщик подвёл? — переспросил тануки, и его голос стал тише, но от этого не менее страшным. — Поставщик подвёл, говоришь? А ты сам? Ты же обещал сакэ! Ты слово дал! Я поверил тебе, человеческий детёныш! Я, старый тануки, который видел, как ваши прадедушки ещё в штаны какали, я поверил мальчишке с грязными коленями!

— Простите, — жалко сказал Бацу. — Честное слово, я хотел как лучше.

— Как лучше? — Тануки взревел. — Лучше было бы, если бы ты вообще не приходил! А ты пришёл, пообещал, а потом дал воду! Воду, в которой, как я теперь понимаю, вымыли бутылку из-под соевого соуса! Я чувствую этот запах! Он въелся в глину навсегда!

Тело тануки начало раздуваться. Раздуваться, как воздушный шар, который накачивают слишком быстро. Шерсть на спине встала дыбом, стала жёсткой, как иглы дикобраза. Лапы вытянулись, на них появились огромные когти, которые впивались в землю, оставляя глубокие борозды. А живот, этот проклятый живот, который ещё минуту назад был просто толстым и смешным, теперь стал размером с бочку. С бочку! Громадную, дубовую бочку, в которой можно было бы засолить не одну сотню огурцов.

— Я, конечно, дух проказливый, — прорычал тануки, и его голос теперь звучал так низко, что у Бацу заложило уши. — Но ложь я чую за версту. Я чувствую её запах — он хуже,

чем тухлая рыба. Ты хотел меня надуть, человеческий детёныш! Думал, я слепой и глупый? Думал, сто тридцать лет жизни прошли для меня даром?

— Нет, я не думал, я...

— Получишь сполна!

Это были последние слова, которые тануки произнёс человеческим голосом. А потом он начал превращаться. Сегодня он превращался в оружие. В орудие мести. В кошмар, который снится маленьким детям после того, как они съедят слишком много сладких лепёшек на ночь.

Его тело вытянулось, округлилось, потеряло все очертания зверя. мех втянулся внутрь, лапы исчезли, хвост тоже — всё это куда-то делось, растворилось, превратилось в гладкую, блестящую поверхность. Через секунду на месте тануки стояла бочка.

Гигантская бочка. Она была выше Бацу в два раза, и в три раза шире. Сделана из тёмного, почти чёрного дерева, скреплённая железными обручами, которые поблёскивали на солнце. На боку бочки красовалась выжженная метка — не то символ, не то магическая печать, не то просто имя производителя. Изнутри доносился запах чего-то кислого и опасного.

Бочка приподнялась над землёй сначала медленно, как будто раздумывая, а потом резко, с грохотом, от которого у Бацу заложило уши окончательно. Она оторвалась от земли, замерла на мгновение в воздухе, а потом покатилась.

Прямо на него. Бацу не думал. Не успел бы — даже если бы его мозг работал в десять раз быстрее. Тело среагировало раньше, чем мысль успела оформиться в голове. Он прыгнул в сторону не по-самурайски, а просто как испуганный заяц, который удирает от лисы.

Кусты приняли его в свои жёсткие объятия. Ветки хлестали по лицу, царапали руки, рвали кимоно. Бацу упал, перекатился, вскочил и побежал, даже не оглядываясь. Он знал, что бочка-тануки уже развернулась и катится за ним, сшибая всё на своём пути.

Сзади раздался треск. Бацу бросил взгляд через плечо и чуть не споткнулся от ужаса. Бочка катилась по лесу, как неудержимая лавина. Она не объезжала деревья — она их сшибала. Сосны ломались как спички, берёзы гнулись под её весом и оставались лежать на земле, вырванные с корнем. Камни разлетались в щебёнку, кусты исчезали навсегда, а земля — мягкая, влажная лесная земля — превращалась в глубокие борозды, которые оставались позади, как следы от гигантского плуга.

— Стой! — крикнул Бацу, не надеясь, что тануки его услышит. — Я принесу настоящее сакэ! Честное слово!

— Честное слово? — донёсся из бочки голос, перекошенный яростью. — После того, как ты меня обманул?! Да я тебе не верю! Ни одному твоему слову! Ни одному, даже самому маленькому!

Бацу петлял между стволами как заяц. Только заяц хотя бы знал лес. Каждую норку, каждую тропинку, каждый кустик, где можно спрятаться. А Бацу знал лес только с одной стороны. С той, где учитель гонял его по утрам. И эта сторона не предполагала, что однажды по нему будут кататься разъярённые ёкаи в форме бочек.

Он перепрыгнул через поваленное дерево, пролез под низко нависшей веткой, увернулся от летящего камня и на бегу попытался придумать план. Ну хоть какой-нибудь. Хотя бы самый дурацкий. Например, забраться на дерево — бочка же не умеет лазать по деревьям, правда? Или бросить в неё чем-нибудь тяжёлым — может, отвлечётся? Или крикнуть что-нибудь обидное, чтобы разозлилась ещё сильнее и лопнула от переизбытка чувств?

Но в голове была только паника. Чистая, первозданная паника, которая вытеснила все разумные мысли и оставила вместо них один бесконечный вопль:

«Зачем я решил его обмануть?! Зачем, зачем, зачем?! Надо было просто украсть сакэ у учителя! Украсть, вылить половину, долить воды и поставить обратно! Учитель бы не заметил! А если бы заметил — ударил бы палкой и забыл! А этот тануки теперь меня убьёт! Убьёт и превратит в чайник! И будет танцевать на моей крышке! А у меня даже крышки нет!»

Бочка грохотала сзади, и от этого грохота у Бацу закладывало уши. Он слышал, как деревья трещат и падают, как зем-

ля стонет под тяжестью ёкая, как железные обручи, стягивающие бочку, звенят, словно тысячи маленьких колокольчиков, возвещающих его кончину.

«Вот так, — подумал Бацу, сворачивая за огромный дуб, который мог бы укрыть его от всего мира, если бы мир не был таким жестоким. — Вот так умирают великие воины. В бою. С мечом в руке. А я умру, убегая от ёкая, который превратился в бочку. И даже меч не вытащил. Позор. Позорище. Позорище на мою голову, которая сейчас будет раздавлена в лепёшку».

Он выскочил из-за дуба и оказался на небольшой поляне. Поменьше, с одним-единственным деревом посередине. Дерево было старым и корявым, с корнями, которые вылезали из земли, как щупальца гигантского спрута. И именно об один из этих корней Бацу и споткнулся.

Нога зацепилась за корягу, тело потеряло равновесие, мир перевернулся, и Бацу полетел лицом вниз, в мягкую, влажную, очень липкую грязь.

Шлёп!

Приземление было эффектным. Грязь брызнула во все стороны, залепила глаза, уши, нос и рот. Бацу лежал на животе, раскинув руки, и чувствовал, как холодная жижа просачивается сквозь кимоно, добирается до кожи и заставляет его вздрагивать.

Он попытался подняться, но нога застряла между корнями, а руки скользили по грязи, не находя опоры. Он барах-

тался, как жук, перевернутый на спину, и понимал, что времени у него осталось, на счету секунды.

Грохот бочки приближался. Уже не сзади, а где-то сверху. Тень накрыла поляну, стала темнее, плотнее, холоднее. Бацу поднял голову и увидел.

Бочка-тануки нависала над ним. Она была огромной. Чёрной, блестящей, с железными обручами, которые вращались вокруг неё, как планеты вокруг солнца. Изнутри доносился запах кислого, перебродившего, древнего. Запах, который мог принадлежать только ёкаю, превратившемуся в бочку. Бочка покачивалась из стороны в сторону, как бы прицеливаясь, а потом замерла, готовая рухнуть вниз и раздавить Бацу в лепёшку.

Бацу закрыл глаза. Он не хотел видеть, как это произойдёт. Он не хотел смотреть на приближающуюся смерть, которая выглядела как огромный деревянный цилиндр. Он сжался в комочек, втянул голову в плечи и, не сдерживаясь больше, заорал:

— Прости! Я дурак! Не дави меня, пожалуйста, я принесу настоящее сакэ, честно-честно! Любое! Самое дорогое! Самое древнее! Я украду у учителя! Я продам меч! Я пойду в монахи и буду молиться за тебя, только не дави!

Он замолчал, переводя дыхание. Слова кончились. Остался только страх — липкий и холодный, как грязь, в которой он лежал.

Тишина. Бочка не двигалась.

Бацу рискнул приоткрыть один глаз. Потом второй.

Бочка замерла в сантиметре от его головы. Железные об-
ручи перестали вращаться. Тёмное дерево потеряло свой
зловещий блеск. Бочка просто висела в воздухе, как огром-
ный воздушный шар, у которого кончился газ, и она не зна-
ла, что делать дальше.

— Слишком поздно, — раздался из бочки голос тануки,
но теперь он звучал не яростно, а устало. Как у человека, ко-
торый накричался и теперь не знает, как выпутаться из этой
ситуации. — Слово духа не воротишь. Ты обманул — я мщу.
Таков закон. Я не могу просто взять и простить. Меня дру-
гие ёкаи засмеют.

— Но я же извинился! — жалобно сказал Бацу, всё ещё
лёжа в грязи. — Я признал свою ошибку!

— Извинения недостаточно, — вздохнула бочка. — Я дал
слово, что отомщу. Если я не отомщу, моё слово ничего не
будет стоить. А ёкай без слова — всё равно что чайник без
крышки.

— У вас и так нет крышки!

— Вот видишь! — обиженно сказал тануки. — Даже
крышки нет. А ты ещё хочешь, чтобы я отказался от мести.

Бочка качнулась, готовясь, видимо, нанести последний
удар. Бацу снова закрыл глаза и приготовился к худшему. И
в этот момент раздался голос.

— Довольно.

Голос был сухим и спокойным, без тени эмоций. Таким

голосом обычно говорят, когда сообщают, что чай остыл или что на улице идёт дождь. Но Бацу узнал бы этот голос из тысячи. Это был голос его учителя.

Он открыл глаза и повернул голову.

Из-за ближайшего бамбука, как будто он всё это время стоял там и ждал подходящего момента, вышел Кагэро-сэнсэй. На нём было простое кимоно, перетянутое поясом, в руке — бамбуковая палка, готовая к бою. Лицо его было непроницаемым, как каменная маска. Только глаза — прищуренные, насмешливые — выдавали, что он прекрасно понимает всю комичность ситуации.

— Он мой ученик, — сказал Кагэро, подходя ближе и останавливаясь в нескольких шагах от бочки. — И его наказание — моя забота. Не твоя.

Бочка замерла. Из неё донёсся удивлённый возглас:

— Кагэро?! Старый пердун, это ты?

— Я, — спокойно ответил учитель. — А ты, я вижу, всё ещё любишь кататься по лесу и пугать белок.

— Белок? — фыркнул тануки. — Какие белки? Я тут человека раздавить собираюсь! Который меня обманул!

— Я знаю. — Кагэро перевёл взгляд на Бацу, который всё ещё лежал в грязи, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение. — Лежишь? Хорошо. Прочувствуй глупину своего падения. И физического, и морального.

— Сэнсэй, помогите! — взмолился Бацу. — Он меня раздавит!

— Заслужил, — отрезал учитель. — Обманывать духов — плохая карма. Но я тебя вытащу. Потому что ты мой ученик, а значит, позор ложится и на меня.

Он повернулся к бочке, поднял палку и легонько постучал по железному обручу. Обруч издал мелодичный звон.

— А ты, тануки, получишь своё сакэ. Через час. Если успокоишься.

Бочка вздрогнула, покачнулась и начала стремительно уменьшаться. Железные обручи сжались, тёмное дерево посветлело, и через несколько секунд на поляне стоял не бочка, а самый обычный тануки — толстый, полосатый, с огромным животом и маленькими ушками-лодочками. Он почесал живот, потом за ухом, потом посмотрел на учителя подозрительным взглядом.

— Ты тоже меня обманешь? — спросил он. — Как этот? — он ткнул лапой в сторону Бацу. — Обещаешь сакэ, а принесёшь воду? Или, ещё хуже, уксус?

Кагэро не ответил. Вместо этого он сунул руку в рукав и извлёк оттуда флягу.

Фляга была маленькой, керамической, покрытой чёрным лаком, на котором серебряной краской был нарисован извивающийся дракон. Дракон был старым, потрёпанным — краска местами облупилась, лак потрескался — но всё равно выглядел внушительно. Горлышко фляги было запечатано воском, а на пробке болталась красная шёлковая ленточка.

Тануки, увидев флягу, прищурился.

— Это что?

— Сакэ, — коротко ответил Кагэро. — Настоящее. Из столицы. Выдержанное в дубовых бочках три года. Не то, что пьют в вашем лесу.

Он протянул флягу. Тануки взял её, повертел в лапах, понюхал пробку. Его глаза расширились, усы затряслись, а живот пульсировал от волнения.

— Пахнет... — прошептал он. — Пахнет как... как небо после дождя. Как первая любовь. Как рис, который только что сварили и положили в него кусочек масла.

— Ты поэт, — сказал Кагэро, и в голосе его прозвучало уважение. — Редкое качество для ёкая.

Тануки откупорил пробку, закинул голову и сделал маленький, пробный глоток. Замер. Потом сделал большой глоток — и прикрыл глаза.

— Хорошо, — выдохнул он. — Очень хорошо. Сакэ как сакэ. Даже лучше, чем я ожидал. Может, я и не буду никого давить. Сегодня.

Он посмотрел на Бацу, который всё ещё лежал в грязи, и фыркнул.

— Но учти, человеческий детёныш. Если я ещё раз встречу тебя в этом лесу без сакэ — превращусь в бочку и буду кататься за тобой до тех пор, пока не сломаю все кости. И не говори, что я не предупреждал.

Бацу кивнул, чувствуя, как с души спадает огромный ка-

мень. Или бочка. Или то и другое вместе.

Тануки сидел на пеньке, который ещё минуту назад был частью поваленного дерева, и пил сакэ маленькими, смакующими глотками. Он не пил — он наслаждался. Каждый глоток сопровождался закрыванием глаз, лёгким покачиванием головы и тихим «м-м-м», которое выражало целую гамму чувств: от глубокого удовлетворения до лёгкой эйфории. Его живот, огромный и круглый, надувался в такт своим песням — тануки что-то напевал себе под нос, мелодию, похожую на старую рыбацкую балладу, только все слова были заменены на «са-кэ, са-кэ, са-кэ».

Кагэро, который всё это время стоял в стороне скрестив руки на груди, вдруг подошёл к Бацу, взял его за локоть и отвёл в сторону, за большой папоротник, где тануки не мог их видеть. Или мог, но ему было плевать, потому что сакэ. Бацу шёл, понурился голову, и ждал удара. Удара палкой по голове, по спине, по тому месту, которое больше всего болит после вчерашних падений. Удара словом — язвительным, уничтожающим, после которого хочется провалиться сквозь землю. Удара судьбы — который, впрочем, уже состоялся, когда он решил обмануть столетнего ёкая с поддельной бутылкой.

Но учитель не бил. Он остановился под кроной старого дуба, повернулся к ученику лицом и просто посмотрел на него. Так, что Бацу захотелось спрятаться за папоротником, но папоротник был маленький, а он — большой и грязный.

— Знаешь, в чём твоя ошибка? — спросил Кагэро.

Голос его был спокойным. Даже слишком спокойным. В этом спокойствии чувствовалась такая глубина, что Бацу на секунду показалось, будто учитель говорит не с ним, а с кем-то, кто стоит у него за спиной. Он обернулся — никого. Только тануки, который прихлёбывал сакэ и довольно жмурился.

— Я... я пожадничал, — тихо сказал Бацу. — И обманул.

— Это не ответ. — Кагэро покачал головой. — Ошибка не в том, что ты пожадничал. И не в том, что обманул. Ошибка в том, что ты решил, будто умнее духа.

Бацу поднял голову. Учитель смотрел на него без обычной насмешки, без сарказма, прячущегося в уголках глаз. Он смотрел серьёзно, даже мрачно, как будто от того, поймёт ли ученик эту простую истину, зависела если не жизнь, то что-то очень важное.

— Ёкай, — продолжал Кагэро, — живут тысячи лет. Ты думаешь, ты первый хитрец, который попытался их обмануть? Ты думаешь, тануки не видел за свою долгую жизнь сотен таких же умников, которые приносили ему воду вместо сакэ, камни вместо риса, пустые обещания вместо настоящей дружбы?

Бацу опустил голову.

— Он видел, — тихо сказал Кагэро. — И он всё равно готов был тебе поверить. Потому что тануки по природе своей доверчивы. Они любят шутки, розыгрыши, приключения. Они хотят верить в лучшее, даже когда их обманывают. Но

если ты обманываешь такого — ты предаёшь не просто ёкая. Ты предаёшь саму идею дружбы между человеком и духом.

Бацу молчал. Ему было стыдно. Стыдно до слёз, которые он, конечно, сдерживал, потому что мужчины на Семи Островах не плачут. Они только пускают носом кровь от перенапряжения.

— Обманывать можно того, кто слабее тебя, — сказал Кагэро. — Того, кто не может дать сдачи. Того, кто боится. Но ёкаи — не слабее. И они не боятся. Поэтому с ними — только честность. Или ничего.

— Я правда не хотел ничего плохого... — пробормотал Бацу. — Мне просто жалко было сакэ. Оно же дорогое. А тут какой-то тануки...

— Жалко сакэ? — Кагэро приподнял бровь. — Ты пожалел сакэ, которое даже не твоё? Ты пожалел чужое имущество, которое тебе не принадлежит, и ради этого решил обмануть духа, который мог тебя убить?

Бацу замолчал. В его защиту больше не было слов. Кагэро вздохнул. Вздохнул так тяжело, как вздыхают люди, которые видят, что их ученик совершил глупость, но не хотят его убивать, потому что убивать — это слишком хлопотно.

— Жадность, — сказал он, — хуже глупости. Глупого можно научить. Глупый со временем становится умнее, потому что его жизненный опыт пополняется шишками и синяками. А жадного — почти никогда. Потому что жадность не лечится шишками. Она лечится только болью потери. Или

осознанием, которое приходит слишком поздно.

Бацу поднял голову. Глаза его были красными — не от слёз, конечно, от пыли, которая попала в них, когда он лежал в грязи.

— Вы можете меня научить? — спросил он. — Не быть жадным?

Кагэро усмехнулся впервые за сегодня.

— Я попробую, — сказал он. — Но только потому, что ты сам об этом попросил. Если бы я начал тебя учить без твоего желания — ничего бы не вышло.

Он достал из рукава палку, бамбуковую, с тёмным пятном на конце и опёрся на неё, как старый крестьянин на мотыгу.

— А теперь слушай наказание. Ты принесёшь тануки настоящее сакэ. Настоящее сакэ. Купишь на свои деньги.

— На свои? — обомлел Бацу. — У меня нет своих денег!

— Вот именно. — Кагэро кивнул, довольный произведённым эффектом. — Поэтому ты отработаешь их у Гэнта в чайной. Три дня. Будешь мыть полы, таскать дрова, подавать чай посетителям и выслушивать их жалобы на жизнь. Гэнта — старый ворчун, он не даст тебе спуска. Зато заплатит ровно столько, сколько нужно на бутылку сакэ.

— Три дня?! — Бацу схватился за голову. — Это же целая вечность!

— Можешь сделать за два, если будешь работать без перерывов на сон и еду. Но я бы не советовал. Гэнта не любит, когда его работники падают в обморок от усталости. Это от-

пугивает клиентов.

Бацу хотел возразить, что три дня в чайной — это не наказание, а каторга, но вспомнил, что ещё минуту назад учитель говорил о жадности, и решил промолчать. Наказание было справедливым. Более чем. Он легко отделался.

— Идёт, — сказал он. — Я согласен.

— Молодец. — Кагэро спрятал палку за пояс. — А теперь иди к тануки. Он уже допил, судя по звукам.

Бацу обернулся. Тануки действительно допивал сакэ — последние капли вытекали из фляги в его широко раскрытую пасть, и он ловил их языком, как ящерица. Допив, он удовлетворённо вздохнул, вытер губы лапой и начал искать взглядом Бацу.

Заметив ученика, он поднялся с пенька и направился к нему. Живот его колыбался, но уже дружелюбно, как у сытого кота, который только что съел сметану.

— Хорошее сакэ, — сказал тануки, остановившись перед Бацу. — Настоящее. Я чувствую. Старый пердун не обманул. — Он покосился на Кагэро, который стоял в стороне и делал вид, что рассматривает листья на дереве. — Жалко, что ты у него такой дурак. Но учитель хороший. Это важно.

Он вдруг подошёл вплотную и хлопнул Бацу по плечу. Хлопнул так, что тот чуть не улетел в кусты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.